

ВАМПИР ПОНЕВОЛЕ

КСЕНИЯ БАШТОВАЯ

Ксения Баштовая

Вампир поневоле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70241059

SelfPub; 2024

Аннотация

Говорила мама: "Не пей водку с пивом, не запивай коньяком, не глянцуй шампанским – козленочком станешь!" Не послушались Андрей и Вовка и стали... вампирами. Правда, какими-то неправильными – света не боятся, в зеркале отражаются, кровь пить не хотят... Непорядок! А раз так, надо выяснить у того, кто виновен в превращении, что же с ними произошло. А заодно узнать, сколько всего было Дракул на свете, кто такой Раду чел Фрумос, и почему Влад Цепеш ненавидит Брэма Стокера..

Содержание

ПРОЛОГ	4
Часть первая	8
Часть вторая	86
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Ксения Баштовая

Вампир поневоле

ПРОЛОГ

Полуночная набережная была пустынна. Где-то вдали горели окна работающих допоздна кафе, раздавались напевные аккорды «живой» музыки. Легкий ветер задумчиво перебирал листву...

Шины чуть слышно шелестнули по нагретому за день асфальту. Автомобиль цвета летней степной ночи медленно остановился, раздался щелчок открываемой двери. Недокуренная сигара затухающим метеором рассекла воздух и, перелетев кованые перила, упала в воду.

– Н-ну? – недовольно протянул мужчина, сидевший впереди, около водителя:– И где он?

– Я уверен, он сейчас появится... – робко кашлянул водитель.

– Заткнись, – резко оборвали его. – Твоего мнения никто не спрашивал.

– Простите, босс, – водитель опустил глаза.

Шум шагов. Чуть слышное осторожное покашливание... И внимание того, кого называли «боссом», теперь обрати-

лось на вновь прибывшего:

– Н-ну?

– Все готово, босс, – подобострастно выдохнули в ответ. – Выбранный Вами дом оформлен по Вашему вкусу. Остальные поручения тоже выполнены...

«Босс» медленно вышел из машины. На мгновение выглянула из-под пиджака рубашка цвета венозной крови...

– Кто в городе?

– Их двое или трое... Все живут здесь уже более десяти лет...

– Ученики? Отношения с властями?

– Местные менты ничего о них не знают... Учеников... У каждого не больше пяти – шести. В общем, около двух десятков.

«Босс» задумчиво оперся о машину:

– А что известно о...других?

– Я слышал, у них перемирие с... нашими... Что-то вроде вооруженного перемирия... – неуверенно протянул собеседник «босса»...

– Свободен.

Пришедший кивнул, отступил на шаг, выходя из круга света, даваемого фонарем, и словно растаял в темноте теплой летней ночи.

«Босс» некоторое время стоял молча, облокотившись спиной об автомобиль.

Щелкнул замок двери и мужчина, за мгновение до того,

как она начала открываться, схватился за ручку, выпуская с заднего сидения автомобиля молодую девушку.

Она медленно прошла по зеленому газону, разделявшему проезжую часть и тротуар, остановилась у самой реки, взялась за перила...

Он медленно подошел к ней.

С реки веяло прохладой.

– Как мне это все надоело! – тихо протянула девушка.

– Лидия, я...

– Надоело! – с упрямой тоской повторила она. – Мне надоело каждые пять-шесть лет бросать все, куда-то уезжать, куда-то спешить... Надоело опасаться, что кто-то нападет из-за угла... Надоела вся эта Европа, эти поездки...

– Надоела Европа? – хмыкнул он. – Уедем в Америку, в Австралию, да куда ты хочешь! Куда ты хочешь?

– Да никуда! – почти выкрикнула она. – Неужели ты не понимаешь?! Мне надоели не только эти бесконечные переезды! Мне надоела сама такая жизнь! Неужели, ты этого не видишь?!

Вместо ответа он накинул ей на плечи свой пиджак. Это было данью вежливости, не большие – она уже много лет не чувствовала холода... Но она приняла этот дар... Приняла, тихо всхлипнув и положив голову ему на плечо. Он приобнял ее за талию...

Они бы были красивой парой... Были бы. Если бы не неестественная бледность, заливавшая лицо девушки и тон-

кий белесый шрам, изуродовавший лицо мужчины.

Часть первая

Живая легенда! Количество не имеет значения!

В шесть часов утра, телевизор, включенный каким-то идиотом на полную мощность, торжественно заиграл гимн. Под это громовое бряцанье труб, литавр и прочих музыкальных инструментов, воссоединившихся с отбойным молотком, звучащим у меня в голове я и проснулся.

Тихо выматерившись сквозь зубы (громко не позволила все та же головная боль), я, не открывая глаз, сполз с дивана и, нащупав кнопку пульта, вырубил «ящик». Судя по тому, что мне это удалось, я находился дома. А раз так, то для того, чтобы попасть на кухню к родимому рассольчику мне нужно, выйдя из комнаты, повернуть на... лево!

Приподняв пальцами веки и поразившись неимоверно яркому утреннему свету (кто придумал, что солнечный свет – это приятно?!), я медленно встал на ноги. После пяти неудачных попыток (асфальтовая болезнь, окаянная! Ну, это когда асфальт, а в данном случае, пол, поднимается так, поднимается... и неожиданно бьет по лицу) мне все-таки удалось доползти до холодильника и вытащить из него спасительный трехлитровый баллон с огуречным рассолом.

Пара глотков, и мне вроде как полегчало. Вот что значит

похмельный синдром в действии...

Так, а как же я докатился до такого состояния, а? Из-за всех сил напрягая мозги и борясь с головной болью с помощью такого родного рассольчика, я начал вспоминать.

Итак. Вчера (а может быть и не вчера... Короче, в пятницу) часа в три дня, предки, захватив младшего братца, уехали на дачу, согласившись, что мне лучше остаться дома, попробовать пожить без их контроля. Так, а на сколько же они уехали? Вспомнил! На все выходные. В понедельник будут дома.

Надеюсь, сегодня суббота. Если мамочка застукает меня в такой кондиции, мозги она мне прокомпостирует капитально.

Так, а что было потом? В начале я сидел, смотрел телевизор. Там шли сплошные ток-шоу. Но едва я захотел его выключить, как раздался звонок в дверь: пришел Вовка. Он был уже «слегка нетрезвым» и притащил с собой несколько бутылок пива.

– Старик, раз твоих предков нет дома, давай квакнем!

Кажется, в начале я отказывался, но потом он привел непобедимый аргумент:

– Старик, меня Ирка бросила.

Со своей подружкой Ириной он постоянно то ссорился, то мирился, раз по пятьдесят на дню, но ведь главное – найти повод, так?

Поехали дальше. Когда закончилось пиво, он вытащил от-

куда-то пол-литра самогона, потом бутылку водки, потом – коньяка, потом... его рвало. Как он заявил, это произошло из-за того, что он отравился овсяным печеньем, которым мы закусывали (слава богу, у меня желудок покрепче). Просто, получилось так, что у меня ничего не было (папа и мама все забрали с собой) и пришлось есть то, что он притащил с собой.

Прибрав, мы пошли гулять. Что было потом, помню смутно... Ладно, память буду напрягать потом...

Оставив на столе кружку с недопитым рассолом и держась за стеночку, я осторожно обошел все комнаты (вроде как ничего не сожжено, не разбито и не пропито. Это уже радует)

Посидев пару минут на диване, я пошел умываться. Зевая и потягиваясь, я вошел в ванную, и замер с открытым ртом, уставившись в потолок. На недавно нанесенной побелке четко отпечатались следы чьих-то ботинок. Я осторожно скосил взгляд на ноги. Так и есть, обут. Глянул на подошву, точно – в мелу. Это когда ж я так?

Приду в себя, срочно найду мел и замажу. Иначе родители меня кончат.

Плеснув в лицо водой, я начал чистить зубы. Что-то было явно не так. Я прополоскал рот и, открыв его пошире, уставился в зеркало, висящее над раковиной.

Лучше бы я этого не делал...

Верхние клыки были явно длиннее других зубов да к тому же еще, по – видимому, заострены. У меня, конечно, не

идеальный прикус, но не до такой же степени!!! Я осторожно дотронулся до них пальцем, на коже появилась капля крови... Господи, это куда ж я вляпался?! В голове проскользнули все ранее просмотренные ужастики про оборотней, вампиров...

Я выскользнул из ванной и плюхнулся на кресло в зале. Взгляд скользнул по столу. Там лежало несколько пачек сигарет (одна – только начата, остальные – пусты) и стояла пепельница.

Курит Вовка, а не я. Я, если честно, даже ни разу не пробовал, но сейчас, похоже, самое время...

Я вытянул сигарету, неумело раскурил ее, подтянул поближе пепельницу и... курить тут же расхотелось... Там лежали сигареты, папиросы и... карандаш... Наполовину докуренный...

М-мда, сегодня явно не мой день...

Мой взгляд бестолково бродил по комнате, натываясь на незамеченные с первого взгляда островки похмелья: одетые на рожки люстры пустые бутылки, веерное отключение Барсика и Мурзика, тихо храпевших по разным углам комнаты (и нечего смеяться, я же не виноват, что папуле подарили двух щенков чау-чау, как двух КРАЙНЕ ПУШИСТЫХ котят. Ну и что, что у них синие языки! Может они черники обьелись!) – от обоих жутко несло валерьянкой, и тому подобное...

Наконец, мне надоело наблюдать следы этого «пира во время чумы», и я, собравшись с силами и согнав в очередной раз разболевшиеся мозги в одну кучку, принялся за уборку. Что произошло с моими зубами, узнаю позже, если вспомню, конечно...

К четырем часам дня дом сиял чистотой, я перекусил тем, что нашел в холодильнике (оказывается, мы с Вовкой выловили не всю «квашенную» капусту из красного борща) и вновь начал вспоминать все, что было вчера.

Итак.

Вчера, окончательно называвшись, мы с Вовой пошли гулять. Через полчаса бесполезного брожения по городу мы пришли в... точно, Ботанический Сад!

Дальше.

Там были какие-то толкиенисты, резво машущие мечами. Помню, я еще удивился, чего они в Ботанике торчат, а не возле Змиевки (есть у нас там одно такое местечко, где собираются эльфы, хоббиты, орки и прочие жители желтого дома)...

Некоторое время мы просто наблюдали за ними, а потом решили, что это не справедливо, когда двое нападают на одного. Вован вежливо похлопал одного из нападающих по плечу, а когда тот обернулся, двинул ему в челюсть. Тот двинул копыта (причем, как сейчас вспоминаю, это была не идиома. У него действительно были копыта! Кажется...).

Потом тот, кто защищался, настучал по черепушке остав-

шемуся в гордом одиночестве копытному нападающему и предложил нам пообщаться.

Мы бродили по городу, и я уже подумывал, что мне пора баиньки, когда этот хмырь (у него был еще такой клевый черный плащик) предложил:

– Парни, хотите стать бессмертными?

Помню, я тогда еще решил, что он приглашает нас в свою толкиенутую команду (ну, там, группировка бессмертных, группировка копытных) и согласился. Вован тоже.

Кажется, у этого Дункана МакКлауда в руках внезапно появился кинжал и чаша, богато украшенная золотом и драгоценными камнями. Он провел ножичком по запястью, нацедил немного кровушки и протянул нам:

– Пейте!

Ага, шас, побежали. А вдруг у него СПИД?

Но Вовка радостно выхватил «стаканчик», отпил, задумчиво поплямкал:

– М-м-м, вкусно...

Тогда и я рискнул попробовать. Кажется, напиток напоминал по вкусу одновременно шампанское и шоколадный ликер. (угу. Летят перелетные глюки...) Я, может быть, выпил бы еще, но этот «Черный Плащ» неожиданно вырвал чашу у меня из рук, рывкнул:

– Вам хватит, – и запахнувшись в плащ, истаял пьяным туманом.

Приглючится же такое...

Итак. Судя по зубам, я вампир. На пальце у меня все еще оставалось пятнышко засохшей крови, я осторожно слизнул его. Тьфу, гадость!

Ясно. На человеческую кровь реакции нет, может, стоит попробовать зверячью?

Я за хвост подтащил Барсика к дивану (тот флегматично отбрыкивался), приподнял его за передние лапы и постарался выразительней посмотреть на его пушистую шею. Если верить фильмам ужасов, и если основным признаком жертвы вампира действительно является нереагирование ее (жертвы, то есть) на внешние раздражители, то на чау-чау кормилось целое семейство вампирюг (конечно, после литра валерьянки на рыло!) – он флегматично смерил меня взглядом, сонно лизнул меня в нос и оглушительно захрапел. Последующие взгляды не произвели на него, ну, никакого впечатления.

Ну не буду ж я его кусать, особенно, если не хочется.

Все, решено. Сейчас позвоню Вовке, а потом мы вместе выловим того зубастика (если только Вовочка будет в нужной кондиции). Я потянулся к трубке.

В начале раздались гудки, а потом «немного» нетрезвый голос Вована простонал:

– Але?...

Интересно, как его мама отреагировала на называвшего-

ся сына?

– Вов, привет, нам надо поговорить, приходи ко мне.

– Издеваешься, да? – уныло протянул он в трубку, но сразу же ожил после волшебной фразы:

– Пиво будешь?

– Иду.

Этот гад даже трубку не положил!

А я... А что я? Я пошел в ближайший ларек покупать пиво. Безалкогольное. Хватит с него.

Уже выйдя из лифта с несколькими бутылками пива на своем этаже, я обнаружил Вову. Тот, одетый в шикарные светло-серые брюки и цветастую рубашку, украшенную пальмами и попугаями, топтался у двери квартиры и, даже не пытаясь позвонить или постучать, монотонно повторял:

– Андрюха, открывай.

Минут через пять мне надоел этот спектакль, и я решил приколоться:

– Так мы уже и так у меня дома.

Вовка обвел мутным взглядом разрисованный местными психами подъезд и выдал:

– А мы, че, все пропили?

Заведя его в дом, я напоил Вовку пивом и бросился на раскопку семейной аптечки, а найдя там Алко-Зельцер, Антипохмелин и Активированный Уголь, напоил этой жуткой смесью Вована и стал ждать результата.

Часа через два, убедившись, что он уже не будет предлагать выпить на брудершафт своему отражению, я подвел его к зеркалу и показал в начале его зубы, а потом и свои.

Реакция Вовочки была, мягко говоря, неординарной:

– Клево! Так я теперь могу вино без штопора открывать?!

Пока я приходил в себя, не до конца врезавшись в его логику, Вова пощупал зубки, подергал их, проверяя на крепость, и буквально испарился из ванной.

Когда я, наконец, через пару минут, пришел в себя и отправился в зал, то застал там очень странную картинку: Вовка сидел на диване и вытаскивал изо рта целые комки рыжей собачьей шерсти, а у его ног сидел Мурзик и удивленно лизал ему руку.

Мне стало дурно:

– Ты, что, хотел покусать мою собаку?!?

Не до конца отплевавшийся Вовка уставился на мое перекошенное лицо:

– Андрюх, ты что? Я, те, че, кореец? Я просто взял его на руки и открыл рот. Ну, знаешь, в ужастиках же зверюшки вампиров боятся. А твой... – он пару минут подбирал слова и, не найдя ничего другого, воспользовался вполне культурным выражением, – «прибитый» Мурзик начал об мои зубы чесаться... Ты че ржешь?! Я, что, виноват, что он линяет?

К счастью этим все Вовкины покушения на моих зверюшек ограничились, и я, все-таки, смог уговорить его пойти прогуляться, подышать свежим воздухом, поискать того

«козла» с кинжалом и чашей (заранее прошу прощения у всех козлов).

Итак, мы бодренько шагали по улице, высматривая того «черного плаща» (благо, летом в четыре часа дня светло), когда у нас начались первые неприятности.

Вовка увидел пару симпатичных девушек, шедших нам навстречу, и, помахав им рукой, широко улыбнулся. Во все шестьдесят четыре зуба. Глубоко извиняюсь, если их всего тридцать два или, вообще, шестнадцать. У меня всегда было туго с математикой. Или это относится к биологии?

Ни меня, ни Вовку нельзя назвать уродами. Я – высокий, смуглый, у Вовки, так вообще, косая сажень в плечах, голубые глаза и русые волосы... Так почему же девочки, истошно завизжав, шарахнулись на другую сторону улицы?

Вова удивленно уставился на меня:

– Чего это они?

– Рот закрой, – прошипел я.

К счастью, в этот момент до девушек дошло, что вампиров не существует и они, раздраженно фыркнув:

– Идиоты! Пластмассовые зубы цеплять! – удалились.

Того «черного плаща» мы так и не нашли. На улице потемнело, Вовка направил свои стопы к дому, но я остановил его:

– Вов, ты куда... Давай еще погуляем, глянь, погода какая!

Он что-то пробурчал про то, что его ждут дома, но сильно

туда что-то не спешил...

Мы шли мимо закрывающихся магазинов, темнеющих окон домов, когда откуда-то из-за угла раздался бешеный, раздирающий воздух, женский крик... Он буравил темноту и, достигнув пика, внезапно оборвался. Не раздумывая ни мгновения, мы рванулись туда.

Под единственным фонарем, горевшем в том переулке, скорчилась хрупкая женская фигурка, над которой склонился, вцепившись ей в горло, ба-а-альшой такой «шкаф». По моему, даже с антресолями.

– Эй, парень, оставь ее! – рявкнул Вовка, делая шаг вперед. Нет, он явно пересмотрел американских боевиков...

«Шкаф» выпрямился. На лицо его, достойное стенда «Их разыскивает милиция», упал свет, и я обмер, увидев, что его губы выпачканы кровью.

– Проваливайте, смертные! – рявкнул он, оскалившись. В свете фонаря блеснули острые клыки. – Ваше счастье, что я сейчас сыт!

Ау-у, дядя Степа Кинг, где ты?

У Вовы сорвало крышу:

– Ты кого это смертным назвал?! – и, засучив рукава, он сделал шаг вперед.

Вампир же (а как же еще называть этого комара-переростка?), легким неуловимым движением скользнул к нему и... натолкнулся своими драгоценными зубками прямо на Вовкин кулак (я говорил, что Вован одно время занимался бок-

сом?).

Тишину ночи разорвал еще один вопль, сменившийся тихим поскуливанием. А сам потомок графа Дракулы, зажав обеими руками рот и, издавая звуки, услышав которые удавилась бы от зависти любая сова, скрылся в темноте.

Мы подошли к девушке. Я присел на корточки и осторожно потряс ее за плечо:

– Эй... Э... Вы в порядке?

Ее голова безвольно качнулась раз, другой... На шее возле уха запеклись два крохотных пятнышка крови...

– А-а-андрюх... П-пожалуйста, скажи, что я ошибаюсь, но, по-моему, она мертва...

Я поднял голову на Вовку:

– Ты не ошибаешься... А теперь сматываемся отсюда! Сейчас сюда милиции набежит, доказывай потом, что ты не верблюд!

– Особенно с твоими зубками?

Вовка как всегда в своем репертуаре! Блин, по уши в г... гадости всякой, а сам еще ехидничает! Язва стоеросовая!

Уже отойдя на порядочное расстояние, я обернулся. Светлые длинные волосы, свернувшиеся тугими локонами, полностью скрывали лицо девушки.

Попетляв некоторое время по темным переулкам, мы вышли к злополучному Ботаническому Саду. И что этим вампирам – толкиенистам не сиделось в Соловьиной Роще возле Змиевской балки?!

– Ч-черт! Если бы я успел, она бы сейчас была еще жива! – Вовка уныло пнул камень, лежащий под ногами, тот улетел куда-то в темноту за моей спиной. Там раздался чей-то тихий сдавленный стон и сдержанный мат, но мы тогда не обратили внимания на сей случай...

– Вов, прекрати себя казнить...

– Прекрати – прекрати! Что «прекрати»?!

Я промолчал, а он продолжил свое унылое бурчание. Я бы и сам с радостью побурчал, да только вот постоянно упоминаемое Вовкой «генеалогическое древо» вампира сбивало с мысли... А он вдруг поднял на меня глаза:

– Вот только я не могу понять...

Ну хоть что-то осмысленное!

– Чего?

– Если тот хмырь – вампир, то кто тогда мы?

– У них и спроси!

– У к-кого?

– А вон, за твоей спиной.

Вовка резко обернулся.

А что? Я не вру. За его спиной стояло человек пятнадцать «шкафчиков», и все такие добры-е-е-е, улыбчивы-е-е-е, голодные-е-е... В первых рядах находился уже знакомый нам «комарик» с разбитой челюстью:

– Фот! Эфи вот гафы беффубые на менфя и нафали!!! – заявил он, некультурно тыча в нас с Вовкой пальцем.

Вовка мрачно хрустнул костяшками пальцев и вежливо

попросил:

– Слышь, хлопец, подойди поближе, я тебе кой-чего покажу. Я тебе такого «гафа беффубого» покафу... тьфу, покажу, мало не покажется!

Комарик побледнел и спрятался за спины своих товарищей (мать моя женщина, да я же в темноте вижу!!!), а Вовка, желая еще больше испугать его, широко улыбнулся, блеснув острыми клыками.

Лучше бы он этого не делал: до клыкастиков дошло, что их обидел кто-то такой же зубастый, и воздух разорвал еще один дикий вопль:

– Бей ренегатов!!!

Ой, мля... Никогда не подозревал, что я могу так быстро бегать...

Когда я наматывал пятый или шестой круг по Ботанике, мне под ноги попал какой-то булыжник. Я споткнулся, упал, а когда попытался подняться, мне между лопаток врезалась большая такая каменюка, и вставать тут же расхотелось.

Уже в следующий момент меня бесцеремонно подняли за шкурку и поставили на ноги. Причем пара «шкафчиков» вцепилась мне в руки, а третий – своими грязными, немытыми руками полез мне в рот, наверное, затем, чтобы проверить, не накладные ли у меня клыки.

Выдержать этого я, конечно, не мог, (особенно, если учесть, что в детстве, всякий раз, как мы ходили к зубному

врачу, маме приходилось меня уговаривать: «Андрюшенька, пожалуйста, открой ротик и этот вредный, противный доктор сможет вытащить палец у тебя из зубов...») а потому, не раздумывая, сжал челюсти, вцепившись этому «стоматологу» в руку. Дать ему в торец я не мог, так что приходилось мне действовать подручными (точнее, подзубными) средствами. Тот взвыл как Витас, подрабатывающий сигнализацией на автостоянке, и начал судорожно выдергивать палец у меня изо рта. Разумеется, это ему не удалось.

И вдруг этому хмырю ни с того, ни с сего надоело дергаться и он, коротко взвыв, двинул мне под дых. От неожиданности я дернулся и, разумеется, выпустил его. Я не мог даже согнуться (за руки меня по-прежнему крепко держали все те же зубастики, не предпринимая никаких попыток помочь покусанному товарищу), вот и стоял я как гордый дуб, хватая ртом воздух.

– Твафь!!! – процедил мой палач.

О, так это ж наш с Вовкой «комарик» с разбитой челюстью!

– Сам такой! – не остался я в долгу, отдышавшись.

«Правильно поется: если в сердце дверь закрыта, надо в печень постучаться!» – успел подумать я, увидев двигавшийся мне куда-то между глаз ба-а-альшой кулак, и, уже в следующее мгновение отключаясь.

Ночь... Шаги едва слышны... Этот город... Он ничем не

отличается от других: люди, оборотни, «ночные охотники»... И нигде нет ее. Как и его – того, из-за которого она стала на этот путь...

Город ничем не отличается от других. Вот только... Раньше никогда не было нападений.

И не было обращенных...

Первые за столько лет... Это хорошо или плохо?...

Ох, болят мои крылья! А, точнее, голова... Причем болит так, что мозги через уши лезут... Я медленно расклеил глаза. Все плыло и качалось, как на теплоходе. У меня аж морская болезнь началась, но я смог согнать свой желудок в кулак и собраться чуть ли не по частям.

Обстановочка в комнате, где я находился, была шикарной: лепнина на стенах и потолке, мраморные колонны... Любой новый русский от зависти бы помер. Комната была пуста, лишь в дальнем углу притаился офигенный стул с гнутыми ножками, оббитый какой-то тканью... Весь пейзажик портила только избитая Вовкина морда: под глазом расцветает бланш, бровь рассечена, губы разбиты... Сам Вовка был крепко прикован к стене... Впрочем, я и сам находился рядом с ним в такой же позе и стоял на ногах лишь благодаря все тем же оковам: наручникам, шириной сантиметров пятнадцать, накрепко прикрученным к стене у меня над головой.

В этот момент Вован раскрыл глаза и посмотрел на меня:

– Шо смотришь? Хреново выгляжу?

У меня не хватило сил даже на то, чтобы сказать хоть слово. Я смог лишь уронить голову, а потом поднять ее, что и было правильно расшифровано Вовкой как кивок. Он ухмыльнулся:

– Ты еще их не видел...

– А ты видел?

Надо же! Осилил такую длинную фразу!!!

– Нет, но представляю...

Юморист.

В этот момент где-то сбоку оглушительно закричала дверь (сигнализация, блин!) и в комнату (хотя, какая, на фиг, комната! Зала, не меньше!) вошел высокий парень лет двадцати трех – двадцати четырех. Черный строгий костюм, красная, цвета венозной крови, рубашка и тонкая смоляная ниточка усов над верхней губой. Все впечатление портил только тонкий длинный белесый шрам, начинающийся у внешнего уголка правого глаза, проходящий через всю щеку мимо уголка рта и скрывающийся на подбородке. Хотя, с другой стороны, моя мама всегда балдела от Жофрея де Пейрака. А у него физиономия была разукрашена еще похлеще. А, кто этих женщин поймет!

– Пиж-жон! – тихо фыркнул Вова. – Хоть бы галстук одел, Бандерас недорезанный!

Парень, похоже, услышал Вовкину критику, но промолчал и, лишь слегка сжав губы, остановился перед нами. За

его спиною топтался «беффубый» шкафчик, тревожно пряча глаза. Еще тройка бритоголовых накачанных амбалов замерла в дверях.

«Бандерас», как его вполне удачно окрестил Вован, чуть приподнял над плечом руку и «комарик» тут же услужливо подал ему толстенную кубинскую сигару. Уже зажженную. Хлопец неспешно затянулся, выпустив в воздух струю дыма, затем тщательно затушил сигару о собственную ладонь (меня аж передернуло), бросил окурочек себе за спину («комарик» быстренько подхватил его и выкинул в открытую зарешеченную форточку) и лишь потом обратил свой «светлый» взор на меня с Вовкой.

Наконец, ему наскучило скользить взором по нашим избитым физиономиям, он полез во внутренний карман пиджака и вытащил оттуда пару белоснежных перчаток. Натянув их, «Бандерас» осторожно, одним пальцем поднял мне верхнюю губу. Я угрожающе щелкнул зубами. Он, скорее от удивления, чем от испуга, отдернулся. Вовка подавился коротким смешком.

Затем «Бандерас» повторил ту же операцию с Вовкой, медленно стянул перчатки и бросил их на пол. Один из придверных амбалов тут же подскочил, схватил перчатки и выбежал из комнаты, унося их в мусор. Остальные же услужливо подтащили «Бандерасу» тяжелый стул и вновь замерли в дверях. «Бандерас» неспешно опустился в кресло, закинув ногу на ногу, и обратил взор на «комарика», который замер

чуть спереди и сбоку, опустив взгляд в пол.

– Так ты говоришь, – лениво, с легким, певучим, каким-то непонятным, то ли болгарским, то ли эстонским акцентом, начал «Бандерас», – что двое этих детей, у которых даже клыки толком не стали, смогли помешать тебе позавтракать?

«Комарик», не поднимая взгляда, молча кивнул.

– И после этого ты еще на что-то претендуешь?! – по-прежнему тихо и скучно поинтересовался этот пижон. – Вон с глаз моих. И чтобы я тебя ближайшие пятьдесят лет не видел.

– Но...

– Убирайся.

«Комарик», тихо вздохнув, вышел из комнаты, а «Бандерас» вновь посмотрел на нас с Вовкой:

– Итак, кто вас инициировал? – поинтересовался он.

ЧЕГО????

А этот хмырь, не давая нам ни слова сказать, продолжил, разговаривая как бы сам с собою:

– Странно, очень странно..., – он переплел пальцы и облокотился на них подбородком. – Вы не похожи ни на чьих обращенных... Хотя я знаю всех... Хельга? Она оставляет на шее своих учеников длинные шрамы... Роллан? Он никогда не обращает больше одного за раз... Петр? Он бы разъяснил все правила...

В этот момент, когда наконец вернулся уходивший амбал, я почувствовал, что мне полегчало. Не так, конечно, что бы

вообще хорошо стало, но, по крайней мере, я не упал бы, если с меня снять наручники:

– А ты кто вообще такой?

«Бандерас» поперхнулся и уставился на меня так, словно я спросил у него, что там такое большое и желтое виднеется высоко в небе:

– Та-а-ак... Ну что ж... Будет лучше, если я назову себя... Меня зовут Дракула. Влад Дракула.

Ага. Бонд. Джеймс Бонд.

– Однофамилец? – внезапно хриплым голосом спросил Вова.

«Бандерас» злобно цыкнул зубом. Острым. Коренным. Похоже даже без единой дырки:

– В мире есть только один Дракула. Я. Это имя дано мне при рождении и не принадлежит никому кроме меня.

Да... От скромности он не умрет. Тут осиновый кол нужен.

Дракула же продолжил:

– Что касается вас..., – в его руках появились два пистолета, направленные прямо на нас с Вовкой. – Можно, конечно, вас пристрелить: вы не знаете элементарных правил поведения, мешаете спокойно завтракать, – но это слишком кроваво. Тем более, что пули серебряные, разрывные... Александр, Сергей, Карл, – скомандовал он своим качкам (тоже, между прочим, зубастым), – отведите их в гостевую комнату, а завтра на закате, когда их сожжет солнце, не забудьте

проследить, чтобы там подмели... А то пепел, рассыпанный по комнате, это так... вульгарно...

Пистолеты, перекочевавшие в руки одному из амбалов, уничтожили у меня всякое желание рыпаться. У Вовки, кстати, тоже. Когда с нас сняли наручники, мы, повинувшись «ласковым» командам Дракулы, заложили руки за головы и пошли по длинному, петляющему коридору, любезно подгоняемые дулами. Наконец, нас затолкнули в какую-то комнату и в наступившей тишине оглушительно громко щелкнул замок. И я, наконец, смог опустить занывшие руки и оглядеться по сторонам.

Мы, двое, находились в комнате, стены и потолок которой состояли из одного, сплошного зеркала. Причем эта комната была совершенно пуста. Хоть бы пару матрасиков положил, жлоб клыкастый! Единственное, что хоть как-то освежало обстановку – это две двери. Через одну, деревянную, дубовую, – нас сюда привели, а за вторую – находился, как было сказано в древнем советском фильме, «туалет, типа «сортир», обозначенный на плане буквами Эм и Жо»... Из прочих удобств в этом самом туалете имелись небольшая раковина и кран, из которого тонкой ржавой струйкой текла вода.

Да, забыл сказать. Было в этой комнате еще окно (как же без него!): металлопластиковое, зарешеченное прутьями толщиной сантиметра два. И нет, что бы решетка была как полагается: кружочки там всякие, цветочки... Нет, баналь-

ная тюремная решетка...

Оглядевшись по сторонам и не обнаружив ничего более интересного, я лег на такой же зеркальный, но почему-то не скользкий, пол, закрыл глаза и попытался заснуть. Не тут то было. В тот же момент меня затрясли:

– Андрюх, ты че, с ума сошел??? Вставай немедленно!

Я приоткрыл глаза. Спать хотелось жутко.

– Зачем?

– Что значит «зачем»??? Что значит «зачем»???!!! Сейчас часа два ночи! Через три часа взойдет солнце и нам, по словам этого Дракулы, придет полный каюк! А я, между прочим, «Интервью с вампиром» смотрел! Я видел, как это происходит, и мне это совсем не понравилось! Я, конечно, знаю, что пепел и зола – отличное удобрение для розочек, но я не хочу за счет себя улучшать экологическое состояние в родном городе!

– Вовка, ты идиот! – протянул я, борясь со сном. – Вспомни, когда ты ко мне пришел?

– Дне...

– Заткнись! Тут, наверняка, понатыканы «жучки»!

Лицо Вовки отразило мучительную борьбу. Он хотел поинтересоваться, правильно ли он понял мой вопрос, и боялся спросить это, опасаясь все тех же «жучков». Наконец, он не выдержал и махнул рукой:

– Ладно, ты прав. Давай спа... О ч-черт!!!! Я убью всех этих тварей!!!

– В чем дело?

Голова – как чугунная.

– Ты посмотри, что эти гады сделали с моей «шведкой»????!!!! – та была перемазана грязью и кое-где порвана. – Мне мама ее только вчера купила!!! Она ж с меня три шкуры снимет!!!

– А ты Расскажи ей правду, – посоветовал я, роняя голову на пол и, уже засыпая, услышал:

– Я лучше с Дракулы его тряпки сдеру!

Проснулся я от нестерпимой жары. Полуденное солнце, отражаясь в треклятых зеркалах, шпарило вовсю. Я открыл глаза и медленно сел. В противоположном углу комнаты храпел раздетый до пояса Вовка. А я то думал ночью, что это кого-то бензопилой наживую пилят...

Ну, все. Он мне ночью заснуть не давал, а сейчас я – ему устрою. Тихонько пробравшись в ванную, я снял свою «шведку» (все равно она такая грязная, словно мною всю ночь пол вытирали) и долгих пять минут вымачивал ее под краном, а потом, осторожно, стараясь не слишком капать на пол, пробрался к Вовке и резко выкрутил все содержимое моей рубашки прямо ему на голову.

Вован подскочил на месте, взыв, как разъяренный ягуар, которому наступили на хвост, и добавив пару – тройку, десятка – сотню некультурно-нецензурных слов.

Когда он, наконец, закончил свой страстный монолог, я

поинтересовался:

– Все?

– Все, – мрачно буркнул он.

– Тогда давай выбираться отсюда, пока все мирно спят в своих гробиках.

Я подошел к окну. Что тут у нас? Примерно третий этаж. Прямо к нам какой-то полоумный тополь протянул толстую ветку... Ну что ж, проверим, насколько правы фантасты, приписывающие вампирам силу богатырскую. Я распахнул окно (откуда-то издали раздался шум машин) и со всей дури вцепился в решетку, дергая ее на себя.

Лучше бы я этого не делал. Ладонь обожгло так, словно я схватился за раскаленную кочергу. Я мгновенно отдернул руку и с ужасом обнаружил на ладони медленно вздувающиеся пузыри ожога. Что за черт???

Вовка с видом знатока поизучал мою руку и заявил:

– Серебро.

– Что?

– Решетка, говорю, серебряная. А у вампиров на этот металл аллергия.

– Ты серьезно???

– А то, – мрачно буркнул он, направляясь к двери.

– Ты что собираешься делать? – спросил я, помахивая обожженной ладонью в воздухе (как же печет, а!)

– Выбить эту дверь к чертовой матери!

И, разбежавшись, он со всей силы врезался в дверь, наде-

ясь сбить ее с петель. Я еще ночью заметил, что сил одного Вовки (даже плюс Я) будет недостаточно, а потому флегматично наблюдал, как он раз за разом вшибается в тяжелое дубовое полотно (он же не остановил меня, когда я за серебром хватался!):

– Головой попробуй! – посоветовал я, когда он, наконец, остановился, тяжело дыша. – Все равно – деревянная.

В глазах задохнувшегося Вовки ясно читался вопрос: «Что именно деревянное?», но он не стал спрашивать, опасаясь услышать вполне логичный ответ: «голова».

Следующие полчаса мы сидели на жутко твердом полу, мрачно уставившись в потолок. Вовка периодически предлагал самые невероятные способы, как выбраться из этой комнаты. Был тут и «Пробить стенку, раз дверь – не получается», и «найти где-нибудь веревку, сделать вид, что мы повесились, а когда они удивятся – набить им морды!!!», и еще много чего столь же безумного.

Наконец, я не выдержал его монотонного бубнения и предложил поиграть в «города» (господи, как есть хочется!). Еще через полчаса, когда Вован на слово «Махачкала» сказал: «Арёл», и посмотрел на меня так, что я не решился поспорить, – я понял, что и эта идея изжила себя... (и как эти женщины сидят по неделе на диете, состоящей из стакана воды?!)

И вдруг до меня дошло... Дракула утверждал, что в пистолете – серебряные пули. Значит, необходимо либо что-

то стальное, либо – достаточно толстое и плотное в качестве изолятора... Идея с чем-то плотным отпала через несколько секунд, после того, как Вовка, обмотав ладонь рубашкой попытался схватиться за решетку. А стального у нас ничего не было...

Правильно говорят: сделал гадость – на сердце радость... Теперь, по крайней мере, рука была обожжена не только у меня...

Вовка махал ладонью как веером, а потом внезапно замер и спросил:

– Андрюх, а как ты думаешь, мы бессмертные?

Вопрос был настолько неожиданным, что я замер, не зная, что ответить, а потом выдавил:

– Э-э-э... Наверное, да... Он же спрашивал, хотим ли мы стать бессмертными...

Вовка начал осторожно массировать запястье (мне кажется, это не поможет...):

– Знаешь, а я не хочу...

– В смысле?!

– Не хочу быть бессмертным.

– Почему?

– А что в этом хорошего?! Буду я бессмертным, стукнет мне семьсот пятьдесят лет и буду я жить дальше... Ирка к этому времени помрет... Все родственники – знакомые тоже... Не хочу я быть бессмертным, и все!!!

– Встретим Черного Плаща, попросим его, если он сказал

правду, убрать бессмертие.

– Договорились, – улыбнулся Вовка.

На этом разговор снова заглох...

И вот, когда уже темнело, я вдруг сообразил, как можно попытаться выбраться из этой комнаты! Дракула скомандовал своим вампирам проследить, чтобы в комнате подмели пепел, значит, убирать здесь будут не его качки, а какая-нибудь «бабушка – божий одуванчик». Вывод: бабу можно будет легко успокоить, а с одним надзирающим вампиром мы как-нибудь справимся. Вопрос только: как???

И тут Вовка обратил внимание, что раковина, оказывается, подсоединена к стене в ванной неправильно, что называется, на соплях... Пара рывков и... вот оно отличное орудие для умирения всяких плохих амбалов.

Итак, за окном медленно смеркалось. Сколько сейчас? Часов девять? Мы с Вовкой стали за дверью (благо, она открывалась вовнутрь) и вот она тихонько заскрипела, открываясь. Створка скрывала вошедшую «бабушку – божий одуванчик», а она тем временем принялась бухтеть:

– Не хочу я этого делать! В конце концов, почему я должен работать на этих клятых вампиров??? – голосок у «бабушки», был какой-то странный, мужской. – Ну? И где, я вас спрашиваю, пепел?

В этот момент «бабушка» злобно толкнула ногой открытую дверь, и я с ужасом увидел, что на месте «божьего оду-

ванчика» спиной к нам стоит на задних лапах волк. Хотя нет, не волк, волчонок, едва достававший мне до плеча. В одной руке (точнее передней лапе) он держал совок, а в другой – веник.

Вовка от удивления выронил раковину, поднятую над головой. Причем, прямо мне на ногу. Я взвыл не своим голосом и рассказал этому крестину все, что я о нем думаю, на французском, английском и немецком. Зря я, что ли, на переводчика уже три года в институте учусь?

На русском-то дома не поругаешься (родители загрызут безо всяких вампиров), а так, доведет младший братишка до белого каления, и пошлешь его на все четыре стороны с полным коробом теплых пожеланий за плечами на иностранном языке, на душе легче станет, а мама еще и восхищается: «Андрюшенька, как ты великолепно знаешь французский!!!». Хорошо, что хоть не просит рассказать, что такое: «pardieu» и прочие слова... А то бы было! «Андрюша, ты чертыхаешься! как тебе не стыдно!!!»

А я разве виноват, что их языки настолько беднее наше-го?! Вон, к примеру, в английском, на три наших матерных слова приходится одно – их... Примеры приводить не буду! И не просите!

А шо такого??? Переводчик-профессионал должен знать все. Помню, читаю я как-то англо-русский словарь матерных выражений для иностранцев (для повышения квалификации, так сказать)... Папа потом еще долго спрашивал, ка-

кого я юмориста читал на экране компьютера, что так ржал... Ему тоже захотелось...

Но я отвлекся... Волк крутанулся на лапах и, нервно облизываясь, уставился на нас.

– Вов, – пробормотал я одними губами, отпрыгавшись на здоровой ноге, – ты хочешь стать вампиром-оборотнем?

– Не-а...

– И я нет...

Волк сделал шаг вперед. У меня замерло сердце.

– Пасть порву, – тихо и неуверенно сообщил Вован.

Волк замер. И в этот момент в его глазах мелькнуло какое-то странное, испуганно-детское выражение, а я, повинуясь интуиции, мгновенно спросил:

– Как отсюда выбраться?

– Прямо по коридору, – начал волк (голос у него был какой-то странный: высокий, детский). Не верьте, если скажут, что у оборотней голос идет независимо от движений губ. Этот говорил совершенно нормально, – а потом вниз по лестнице. Только там полно охра...

В этот момент кто-то толкнул дверь с той стороны, и она, крутанувшись на петлях, едва не двинула мне по носу, сразу же скрыв весь обзор.

– Эй, кабыздох, ты здесь убрал? – презрительно спросил кто-то. Судя по голосу, один из дракуловских придверных амбальчиков.

– Да! – мгновенно ответил волчонок.

– А где пепел?

– Э-э-э... В окно выкинул! Чего, думаю, вверх – вниз по этажам с мусором бегать!

– Н-нда? Пойдем – проверим!

И дверь тихо закрылась... А замок – то не щелкнул!!!

Подождав несколько долгих мгновений, я приоткрыл дверь и осторожноенько выглянул в коридор. Тишь и гладь. Ни одного вампира. Пора отсюда сматываться. Я оглянулся на Вовку:

– Пошли?

– А что с рубашками делать? Оденешь, так на улице первый же мент нас за бомжей примет!

М-мда... В этом он прав. А «шведки» даже на поясе рукавами не завяжешь...

Вовка посмотрел на мое задумчивое лицо, махнул рукою, и, свернув сорочку жгутом, завязал его на поясе. А что, не плохое решение... Я поступил также.

Наконец, мы вышли в коридор. Он оказался ма-аленьким, у-узеньким: метров пять в ширину, не больше. И даже здесь была эта надоевшая лепнина. Как сказала бы моя мама, мужик с жиру бесится... Мы бы пошли и дальше, прямо по коридору (благо, наша комната была в самом конце этого туннеля), как Вовка замер и глухо спросил:

– Андрюх, а где бы мне найти какое-нибудь оружие? А то, если на нас нападут, с одним – двумя мы с тобою как-нибудь справимся, но остальные же, забьют нас как мамонтов!

– Деревяшку какую-нибудь оторви, – посоветовал я.

Тем более, что по обе стороны коридора было полным-полно тяжелых дубовых дверей.

– А что, неплохая идея!

Вовка присел на корточки, подцепил пальцами дверной наличник, дернул его на себя и вверх, раздался оглушительный треск, на который, по-моему, должно было сбегаться все вампирячье население города (удивительно, как этого не произошло!), и в руках у Вована осталась тяжелая резная дровеняка длиной около метра...

– Слышь, Вов, и мне отломай, а?

Новый рывок и Вовка протянул мне вторую половину несчастного наличника:

– Просю! А теперь, пошли?

Коридор резко вильнул вправо, мы завернули за угол и остановились: перед нами была глухая белая стена, украшенная банальной лепниной. Мы стояли примерно метрах в трех от нее, справа и слева от нас находилось по двери.

– Отпад! – протянул я.

Вовка оказался в своих суждениях более резким:

– Обманул волчара! Выберусь отсюда: оторву ему на фиг хвост и голову!

Я хотел возразить ему, что вряд ли это нам поможет, но в этот момент раздался тихий шелест и стена, перед которой мы стояли (та, что перекрывала дорогу), начала медленно раздвигаться. Не задумываясь ни на мгновение, мы с Во-

шкой рванулись к дверям – каждый к той, которая была ближе: я – к левой, он – к правой.

Мне как всегда не повезло: моя дверь оказалась запертой. Я замер, не зная, что делать, и в этот момент Вовка схватил меня за плечо и затащил в свою комнату.

Судя по всему, мы оказались в гостиной. Как говорится в столь любимых моей мамой женских романах, «всюду царил упадок...» Причем, по – моему, упадок с порядочной высотой... Кровать – эпохи то ли позднего рококо, то ли раннего застоя, шторы избитые молю (Тайсон отдыхает), ночной столик – маленькая, корявая тумбочка с притулившимся на краю ночником... Все очень и очень мрачно...

Но я отвлекся. В приоткрытую дверь я увидел, как в коридор вошли двое: «шкаф», названный вчера Карлом, и девушка лет двадцати. Он что-то прошептал ей на ухо, она засмеялась, вскинув голову и обнажив острые клыки... Оп-паньки, тут не только вампиры, но и вампирши??? Бедный наш город...

Карл протянул ей ключ, девушка еще раз улыбнулась и завернула за угол. Вампир же подождал, пока не раздался щелчок замка и скрылся в черноте прохода.

Стенка сомкнулась.

Мы с Вовкой подождали пару минут и вышли в коридор. Когда до стены оставалось около метра, та внезапно раздвинулась, открывая длинную мраморную лестницу, ведущую куда-то вниз.

– Ну, что? Пошли?

– А у нас есть выбор? – хмыкнул Вовка. – Предлагаешь выпрыгнуть в окно?

Лестница привела нас сначала на второй этаж, а потом и на первый, в огромный полутемный зал. Стены его были выкрашены в черный и красный цвета, по углам застыли мраморные статуи, изображавшие побледневших (в черную полосочку) девушек и красных (наверное от стыда, а черной полоской девчонки позаражали) мужчин, впивающихся вышеупомянутым девушкам в шеи... Маньяк, блин...

– А ведь есть еще и черный мрамор..., – задумчиво протянул я, останавливаясь перед особо реалистичной композицией, на которой девушка, как не странно, не пыталась сползти в обморок, а вытаскивала откуда-то из корсажа хорроший такой кинжал (и где она только его ныкала?) На свет божий показалось уже сантиметров тридцать клинка и, судя по тому, что тот и не думал сужаться, это было только начало...

– Отлично! – буркнул мой друг. – Встретим Дракулу, предложим ему разместить рядом с индейцами еще и негров. А теперь пошли! Говоришь, здесь полно жучков, и сам же торчишь здесь как тополь на Плющихе!

– Сам ты... тополь! – беззлобно огрызнулся я, подходя к тяжелой дубовой двери, находящейся напротив лестницы. Она легко открылась, и на менядохнул свежий вечерний ве-

терок.

Я минуты три вглядывался в темноту, прежде чем хоть что – то разглядел.

Так. Что тут у нас? Кирпичный забор метра три – четыре высотой, тяжелые кованые ворота, выложенная плиткой дорожка. А над самими воротами какие – то коробки... О черт! Это же камеры!

Я судорожно рванулся назад и захлопнул дверь.

– Ну? – поинтересовался Вовка, поигрывая своей дровенякой.

Я в нескольких словах обрисовал ему сложившуюся ситуацию. Вован вздохнул:

– Значит, придется обходить дом и лезть через забор...

– А ты уверен, что здесь нет сторожевых собак?

– Загрызем, – небрежно отмахнулся он. – Пошли? О, господи, Андрей, что ты опять замер возле этих статуй?!

– Да я вот думаю..., – протянул я, – раздолбать что ли, их на фиг, чтобы в следующий раз неповадно было на бедных переводчиков нападать?

Вован перехватил мою руку:

– Очумел что ли?! Он сейчас ночью ментов вызовет, и загремишь в тюрьму за умышленное уничтожение чужого имущества. Пошли лучше.

Я и забыл, что он на юриста учится...

Осторожно выскользнув из дверей, мы, прижимаясь к сте-

не дома, резко повернули направо.

Я зашел за угол и замер, услышав голоса, срывающиеся на крик:

– Так ты говоришь, – голос был мужским, грубым, – что выкинул пепел в окно?! Ну и где он, я тебя спрашиваю, волчье отродье?

– Ветром развеяло, – неуверенно предположил тонкий мальчишечий голосок.

– Ветром?! Да на килограмм живого веса идет полкилограмма пепла! По-твоему, около полуцентнера пепла могли просто так развеяться по ветру, не оставив следов?! А где тогда хотя бы остатки?!

– Да не знаю я!

В темноте явно проступили два, стоящих боком к нам, силуэта. Судя по очертаниям фигур – один, огромный, шкафообразный, тряс за ворот второго, худощавого мальчишку.

В этот момент в меня со всей дури врезался сзади Вовка и я едва сдержал крик. А разборка, между тем, набирала обороты:

– Не знаешь?! – и в тишине ночи явственно раздался звук пощечины.

Этого я уже стерпеть не мог.

Можете сколько угодно говорить мне, что это не верно, не разумно, не..., но я рванул вперед и дернул мальчишку к себе. Вовка тоже не стоял на месте. Пока «шкаф» стоял, удивленно ловя ртом воздух, Вован двинул ему ребром ла-

дони где – то за ухом на уровне шеи. Шкаф закатил глазки и сполз на землю. Мальчишка же вырвался из моих рук и остановился, по волчьим ощерив зубы:

– Кто вы та...? Это все еще вы?! Почему вы до сих пор не ушли?

– Подожди, а разве мы знакомы? – поинтересовался Вовка.

– Знакомы, – хмыкнул мальчишка. Он был одет в майку безрукавку и шорты, – я...

– ...тот оборотень, что выпустил нас, так? – продолжил за него я.

Где – то сбоку и спереди раздался тихий шелест, но я не обратил на него внимания.

– Так, – кивнул он. – А вам лучше уходить. Когда этот хмырь очнется, вам не поздоровится, – он кивнул в сторону, где лежал «шкаф». – Бли-и-ин!!! Он уже уполз! Уходите!

– А ты?

– Не важ... Сзади!!!

Мне на макушку опустилось что – то тяжелое. Тонны так три весом.

Голова болела так, словно ею месяца два заколачивали гвозди. Интересно, когда я открою глаза, то где окажусь?

Один глаз, второй...

Эх, ну почему я не Вий??? У того для таких случаев специальная нежить была, которая подниманием век занима-

лась...

Разумеется, я находился в уже знакомой зале: алые стены, белые колонны, резное кресло, одинокий столик... И Вовка, прикованный к стене в качестве основной детали интерьера. Ну и я, конечно, в точно такой же позе перед хозяином дома.

Сам господин (чи товарищ – кто сейчас разберёт?) Дракула уже сидел в своем кресле и что – то неспешно попивал из бокала, листая при этом маленькую книгу в черном кожаном переплете.

Наконец, он поднял голову и столкнулся со мной взглядом. По его губам внезапно пробежала довольная усмешка...

Некоторое время он сидел молча, дожидаясь, наверное, пока очнется Вовка, а, когда это наконец произошло, Дракула щелкнул пальцами и в тот же миг около него застыли, склонившись в угодливом полупоклоне два зубастика:

– Снять, – коротко бросил главный кровопийца.

Эт в каком смысле?! Я буду драться до последнего!!!

Тихо щелкнули, расстегиваясь, наручники, и я прижался лопатками и затылком к стене, искренне надеясь, что я по ней не сползу.

Еще один щелчок пальцев и «Шкафчики» притащили два резных стульчика. Правда, поменьше и поскромнее чем у Дракулы.

Вампир сделал широкий взмах:

– Прошу вас, садитесь.

Оп – паньки, это с чего такая перемена в отношении к

нам?

Как бы то ни было, мы с Вовкой, переглянувшись, усадились в кресла. В ушах звенело.

А Дракула между тем продолжал:

– Вы голодны?

Куда катится мир?! Только что нас хотели убить, и вдруг так резко...

Прежде чем я смог решить, стоит ли отвечать, Вовка бросил:

– Да.

Главный кровосос удовлетворенно кивнул:

– Карл?

Один из «шкафов» тут же сорвался со своего места у двери. Через пару минут он вернулся, неся резной деревянный поднос, на котором стоял золотой кувшин. Еще один «шкаф» перебросив через руку полотенце, тащил поднос с двумя золотыми бокалами...

М – мда... Круто, ничего не скажешь... бокалы поставили на стол и хозяин дома лично наполнил их из кувшина:

– Прошу вас... Пейте...

Я осторожно заглянул вглубь. Там было что – то темно – красное, маслянисто поблескивающее, густое...

– Что это? – Внезапно охрипшим голосом спросил я.

– Ну не томатный же сок! Кровь, естественно! Между прочим, четвертой группы, отрицательный резус... Редкость... Пейте.

Лично у меня сразу прошел всякий голод. У Вовки, похоже, тоже. По крайней мере, тихо звякнувшие бокалы на стол мы поставили одновременно.

– Спасибо, что – то не хочется...

Дракула вскочил с места, оперся о столик, и, нависая над нами, рявкнул:

– Пейте, я сказал!!!

– Да пошел ты...

Я так и не понял, кто это сказал: я или Вовка, потому что в тот же миг к нам рванулось штук десять зубастиков. В любом случае, развязка была короткой: я пару раз дал кому – то в морду, потом в морду дали мне, и я отключился...

Дьявол! Ну кому нужна была эта инициация?! Если вчера от них исходила только тревога, то теперь... Куда они вляпались?!

Дьявол!

Не... Так же и дебилom стать не долго... За последние сутки мне дали по голове... Сейчас посчитаю... Три или четыре раза. Надеюсь, все ограничится, максимум, шизофренией и нервным тиком.

Так. Что здесь у нас?

Я лежу на спине. Пол холодный, но практически не скользкий... надеюсь, это не... Я медленно повернул голову, открыл глаза и...

Столкнулся взглядом со своим отражением...

Великолепно! Я опять в этой чертовой зеркальной комнате!

– Ну, что, очнулся? – прозвучал где – то в стороне голос Вовки.

По крайней мере, он тоже здесь. Этот уже радует. Я шумно сел, оперся спиной о стенку и лишь потом нашел взглядом Вовку. Бланш под глазом расплылся на всю щеку, бровь рассечена... Кошмар! Что скажет его мать??? Надеюсь, я не такой страшный, а то меня ж родители домой не пустят!

– Очнулся. Только вот не думаю, что это нам чем – то поможет.

– Поможет!

Да он оптимист, оказывается!

Вовка болтал что – то еще, но я прикрыл глаза и замер, надеясь загнать боль в затылке куда-нибудь подальше, поглубже... Когда все уже почти прошло и грызущая боль превратилась в ноющую, внезапно закрипела, открываясь деревянная дверь. Я открыл глаза.

Вошедший «шкаф» держал на руках бесчувственную девушку лет девятнадцати. Алая кофточка, черная юбка по колено, босоножки на высоком каблуке... Черные волосы расплескались волной...

Шкаф скользнул взглядом по мне и Вовке, сидящему в противоположном углу, и медленно опустил девушку на зеркальный пол:

– Граф велел передать, что вы не выйдете отсюда до тех пор, пока не сделаете хоть по одному глотку её крови, – бросил он, выходя.

Вовка, сплевывая на пол кровь, медленно подошел к девочке (у меня не было никаких сил шевелиться), прикоснулся кончиками пальцев к её шее:

– Слава богу, жива.

Потом он осторожно оттащил её от входа и подошел ко мне:

– Ну? Что будем делать?

– Вешаться, – буркнул я.

– Вешевки нету, – вздохнул он.

– Значит, придется придумывать что – то еще...

– Андрюх, вот скажи, – перебил он меня, – мы не боимся солнечного света, а до серебра прикоснуться не можем... Мы вампиры или нет?

– А черт его знает, – вздохнул я.

Вовка хмыкнул:

– По закону американского мультфильма, в том дальнем углу сейчас должно появиться нечто рогатое, сообщить: «я все знаю, но ничего не скажу!» и исчезнуть...

В его голосе было столько уверенности, что я невольно покосился в дальний угол. Естественно там никого не было. Жаль...

Интересно, не слишком ли быстро мы приходим в себя?

Некоторое время мы сидели молча, а потом Вовка сказал:

– Андрюх, слышь, принеси мне воды, а? А то пить хочется, жуть...

Я хотел, было, возмутиться, что я ему, водоносом нанимался?! Но потом смерил взглядом Вовку и, развязав с пояса рубашку, деланно любезно поинтересовался:

– Тебе что? Воротник или рукав?

– Чего?! – поперхнулся Вовка.

– Ты идиот или просто притворяешься?

– Идиот, естественно. А в чем дело?

Я вздохнул:

– Ты здесь стакан или кружку видел?

– Но ты ж в чем – то принес воды, чтоб облить меня!

– Рубашку я на тебя выкрутил. Ру-баш-ку. Так из чего будешь? С рукава, с воротника?

– С ладошек! – буркнул Вован, вставая на ноги.

Он минут десять чем – то звякал и гремел в ванной, а когда, наконец, вышел из нее синяк под глазом уменьшился раза в три...

– Андрюх, а ты знаешь, что мы не в нашей комнате?

– в смысле? – не понял я.

– В прямом. Здесь раковина на месте.

И в этот момент девушка открыла глаза и медленно села.

– Где я? – прошептала она, обводя комнату взглядом.

Сериала – сериала...

Вовка, конечно, не мог удержаться: он скорчил страшную рожу и прохрипел:

– В логове вампира!.. тебя как звать, завтрак?

– Я не завтрак! – ойкнула она, бледнея с каждым мгновением.

– Ну, значит, обед или ужин! – непреклонно заявил Вован. В глазах девчонки заплясал страх, и я не выдержал:

– Вовка, прекрати, – и, уже обращаясь к девушке, предложил. – Не обращай внимание, это он от скуки с ума сходит... Так как тебя звать?

– Аня...

я улыбнулся:

– А меня – Андрей. А этого хохмача, с идиотским чувством юмора, с утра звали Вовой.

– Очень приятно, – покраснела она. А я всегда искренне считал, что наш век феминизации и эмансипации подобные «тургеневские барышни» остались только в фильмах Михалкова...

– Андрюх, объясни мне одну вещь, – вмешался в разговор Вовка, наблюдавший за нашим диалогом из дальнего угла. – Анята такая пунцовая оттого, что ей «очень приятно». Это мне понятно, но у тебя – то почему уши такие красные?

Я аж поперхнулся от его наглости и только и смог, что беспомощно глянуть на Аню. Та хихикнула в кулак и подняла на меня хитрый взгляд. Мне ничего не оставалось, как рассмеяться в ответ.

Вовка удивленно перевел взгляд с меня на Аню, потом обратно.

– Хохотуны недорезанные! – сердито буркнул он.

– Вов, что с тобой?! – оторопел я.

– Что «что»? голодный я! А когда я голодный, я всегда злюсь. Пора бы было узнать это за шестнадцать лет дружбы!

Что «да» то «да». Я познакомился с Вовкой, когда мне было четыре, а ему – почти пять... Эх, золотое было времечко! И надо сказать, Вован, действительно, когда проголодается, становится просто невыносим!

Причем невыносим на столько, что так и хочется вынести его вперед ногами...

– Ой. А вы хотите есть?! – пробормотала Аня, судорожно роясь в огромной черной сумке, то ли из кожи, то ли кожзаменителя, висевшей у неё на плече. – Сейчас, сейчас... Вот! – и она протянула нам три каких – то пирожка, запакованных в целлофан.

– Что это? – недоверчиво поинтересовался Вовка.

Но пирожок взял.

И тут же принялся его распаковывать.

– Венская булочка. Бери, Андрей.

Но Вовка решил, что если уж притворяться зубастиком, то до конца:

– С кр – р – ровью? – прорычал он впиваясь зубами в мягкое тесто. С изюмом между прочим. И судя по упаковке, булочка сделана в одной из лучших кондитерских города.

Аня слабо улыбнулась его шутке и, когда я только начал жевать (а я, между прочим, в последний раз в субботу, в два

часа ел, а сейчас ночь с воскресенья на понедельник!), поинтересовалась:

– Андрей, а почему вы все время строите из себя каких – то вампиров?! Про кровь говорите... это у вас развлечение такое, да?

– Если бы, – вздохнул я, дожевывая булочку. – Просто мы на самом деле вампиры... видишь? – я осторожно приподнял пальцами верхнюю губу, дал ей полюбоваться и опустил руку.

– Издеваетесь?! – Обиделась Аня.

– Ага! – тут же вмешался в разговор Вовка. – Знаешь. Обожаю доводить людей! Когда они доходят до такой кондиции, что на соседей с топором кидаются, то у них уровень гемоглобина в крови повышается. Получается такая вкусно-тища!!!

Хохмач хренов!

Он шумно облизнулся – Вовка не исправим!!! Но Аня, похоже, не привыкла к подобным шуточкам. Она закатила глаза и начала сползать на пол. Я едва успел подхватить её и прошипел сквозь зубы все, что думаю о Вовке, осторожно укладывая Аню на пол.

– А че я? Я, что, виноват, что она шуток не понимает?!

Я осторожно похлопал девушку по щекам:

– Ань, очнись

Она приоткрыла глаза и слабо поинтересовалась:

– А вы кусаться не будете?

Ну, по крайней мере, она поверила, что мы вампиры:

– Не, мы не кусаемся! – я поспешно начал её заверять.

– Ага, – поддакнул Вовка. – Мы не кусаемся – мы сразу глотаем!

Аня опять сползла в обморок.

Господи, ну что ж она такая нервная?!!

На это раз хлопанье по щекам ни к чему не привело. Я решил действовать кардинально:

– Вовка принеси воды.

– Андрей, у тебя уже приходы, да? Сам же говорил, что набрать не во что!

– А ты пофантазируй, придумай, что-нибудь! Ничего не сделаешь, голову оторву.

Вовка скептически хмыкнул, смерив меня взглядом, развернулся и направился в ванну.

Через пару минут оттуда раздался жуткий грохот и Вовка появился в комнате. Весь такой радостный, сияющий. В руках он держал отломанную раковину... сток он не затыкал, а просто завязал узлом...

М-мда, заставь дурака богу молиться... так у бедного Дракулы ни одной целой ванной комнаты не останется...

Я поднял с пола отпавшую челюсть и поинтересовался:

– А чем это ты так грюкал?

– Так она ж, зараза, к стене цементом приклеена была!

М-мда, картина достойная пера художника или кисти писателя... Тьфу, блин, наоборот! Короче, видок, конечно тот

еще: Анята – на полу, в обмороке, я на коленях рядом с ней и Вовка, застывший в позе мировой скорби, прижимая к груди оторванную раковину, наполненную водой.

И вот, в самый напряженный момент, когда Вован присел на корточки, чтобы я мог дотянуться до воды и побрызгать на Аню, раздался жуткий грохот, словно что-то ба-а-альшее такое врезалось в дверь (ту самую – непробиваемую). Дверь медленно упала на пол, а в проеме показался кто – то смутно знакомый. Кто – то, настолько знакомый, что Вовка выронил раковину. Слава богу, не опять мне на ногу. Я подхватил Аню, но раковина уже разбилась, вода разлилась по полу, несколько капель попало ей на лицо. Она беспокойно мотнула головой, но в чувства не пришла.

Мужчина, стоявший у обломков двери (высокий, жгучий брюнет) брезгливо отступил на шаг (вода подобралась к его сапогам, грозила замочить плащ – черный, между прочим) и насмешливо хмыкнув, бросил:

– Н-ну, вы так и будите стоять... гм, сидеть... памятниками самим себе? Или может пойдем отсюда?

Я вскочил на ноги. Вот блин! Все брюки ниже колен – насквозь мокрые! «А ты чего ждал, Андрюшенька? – ехидно поинтересовался внутренний голос. – Постоял бы еще минут двадцать на коленях, может еще чего – нибудь намокло».

Вовка неспешно отряхнул ладони и бросил:

– Слышь, Черный плащ, а мы тебя везде ищем! А ты тут как тут! Как ты нас нашел?

Мужчина, хотя нет, это был парень лет двадцати шести, смерил Вована взглядом и бросил:

– Я всегда чувствую свою кровь.

Не, я, конечно, понял, что он подразумевал напиток из чаши, но Вовка был как всегда в своем репертуаре. Он широко распахнул руки и радостно воскликнул:

– Свою кровь?! Ну, здравствуй, папа!!!

«Черный плащ» поперхнулся и процедил, медленно наливаясь кровью:

– Если бы у меня был такой сын, я бы удушил его в колыбели.

– Жа-а-аль, – протянул Вовка. – А то мама рассказывала, что ты был разведчиком, погибшим при исполнении...

Вот брехло! Его отец был летчиком! Черный плащ недовольно поморщился и бросил:

– Так вы идете?!

– Идем, идем, – пробурчал Вовка. – Пошли, Андрюх?...

Мама всегда говорила мне, что бы я никуда не ходил с незнакомыми дядями и тетями:

– Пошли, – согласился я, – Только... Я хотел бы знать ваше имя, сударь...

Я хотел сказать последнее слово чуть насмешливо, но в последний момент почему – то передумал.

Парень изменился в лице. У него в глазах на несколько секунд вспыхнул... я бы сказал... испуг, но потом он совладал с собой, стал в горделивую позу a-la Zorro и слегка на-

смешливо заявил:

– А разве я не представился, господа? Прошу простить мне этот промах...

– Ближе к делу, – нетерпеливо оборвал его Вовка.

– Я – Влад Цепеш-Дракула Валахский.

Я чуть не выронил Аню... они, что, клонируются???

Даже Вовка мгновенно утратил все свое ехидство и только и смог просипеть:

– Правда?!

Дракула номер два надменно процедил сквозь зубы:

– У меня много недостатков, сударь, – м-мда, я еще не слышал, чтобы в такую короткую фразу вложили столько презрения! – но мое имя не покрыто позором лжи.

Интересно, а короче он это не мог сказать? Что –нибудь вроде «я в жизни не врал»?

– Андрюх, – задумчиво протянул Вовка, всем корпусом повернувшись ко мне, – как ты думаешь, он брешет?

– Понятия не имею, – пожал плечами я. – Знаешь, я уже не удивлюсь, если в окошко влетит Питер Пен.

– Не – е, – заявил Вовка, – Питер Пен – это фантастика...

Похоже, господин Дракула не привык, чтобы о нем говорили как о мебели, не обращая внимания на его персону... Он, онемев от возмущения, переводил взгляд с меня на Вовку и только судорожно хватал ртом воздух.

– Вампиры – тоже фантастика...

– Хватит!!! – рявкнул парень. – Я не знаю, из каких пе-

щер вы выползли, но через пару минут хозяин этого дома вернется, и вам не поздоровится. Так что если хотите, можете оставаться здесь! Могу только пожелать, чтобы вы встали ему поперек горла!

– В смысле, «вернется»?! – спросил я, но этот хмырь уже развернулся и не оглядываясь пошел прочь. Лишь плащ шелестнул...

– Андрюх, не знаю как ты, а я пойду его догоню. Он, по крайней мере, не пытался меня съесть, – и Вовка, подхватив с пола за длинный ремешок, накинул мне на шею Анину сумку и выскочил из комнаты.

Я рванулся за ним.

А Анюта тяжелая!!! К счастью Вовка оказался не таким козлом, как я решил в первые секунды после его ухода: он ждал меня в метре от выбитой двери и едва я вышел, он снял с моей шеи Анину сумку и спросил:

– Ну что, Ромео, пошли?

– Сам ты, Ромео! – огрызнулся я.

– Эт – то еще поче...

– Тихо вы! – цыкнул Черный плащ, застывший как статуя, чуть дальше по коридору.

Он, прижавшись спиной к стене, настороженно всматривался куда – то в полумрак коридора... Мать – мать – мать! – привычно откликнулось эхо, а куда же лампочки делись?! Я ж точно помню, когда мы убегали, здесь горел свет! А, фиг с ним.

Н – ну? И долго мы будем здесь стоять?

– Можешь идти, – тихо огрызнулся дубль – Дракула. – И через пять минут тебя притащат обратно!

Не понял!!! Я же вслух ничего не говорил!!! Телепат хренов!!!

– В честь чего это нас обратно приведут? – не понял Вовка. – Ты ж сам сказал, что можно бежать!

– Можно было, – согласился «спаситель недорезанный». – Да вот только пока некоторые ушами хлопали, хозяин дома вернулся. А я с ним еще не общался и пока не желаю.

Мокрые штанины противно липли к ногам. Хотя в коридоре было темно, но удовольствие это было то еще.

– А откуда он вернулся? – спросил я.

– А я знаю?! – огрызнулся этот хмырь. – Я просто чувствую, когда поблизости «ночные охотники» и все!

– Поблизости... Кто???

– Слушай, почемучка, давай вначале выберемся отсюда, а потом поговорим.

Злые вы...

– Уйдешь ты от нас? – хмыкнул Вовка и замер с открытым ртом: – ой, мля... А телепатия, что, заразна?! Воздушно – капельным путем передается?!

– Нет, через кровь! – рявкнул зубастик

– Так это, что, начальная стадия СПИДа??? Ой, мама...

Дракула окинул Вовка взглядом и на его лице я ясно прочел, что Вован по уровню умственного развития находится

где – то между амебами и инфузориями – туфельками.

А потом он рванулся вперед и завернул за угол. Мы, переглянувшись, пошли за ним.

Стенка, скрывающая лестницу медленно раздвинулась и снизу стали слышны чьи – то разъяренные голоса... Потом по лестнице начал кто – то медленно подниматься... Черный плащ что – то прошипел. Что – то явно не цензурное... Уж я – то, после чтения словарика, мат от немата с полуслова отличу...

Он потянул за ручку правой двери (та открываться отказалась), тогда он метнулся к левой. Дернул ее за ручку и проскользнул в полумрак комнаты.

Нам с Вовкой ничего не оставалось, как последовать за ним. Сам Дракула номер два уже стоял возле тяжелого стола, заваленного бумагами:

– Помогите передвинуть.

А Аню я куда дену???

– На стол положи, – огрызнулся «Вовкин папа».

Блин, этот хмырь мне и слова сказать не дает!

Но я все – таки решил его послушаться, осторожно поместил девушку на кресло, стоявшее за столом и мы втроем придвинули стол к двери.

В этот момент ручка двери медленно опустилась, нетерпеливо дернулась вверх – вниз и с той стороны раздался истошный вопль:

– ОНИ ЗДЕСЬ!!!

Ну и?... Что будем делать? Я оглянулся на Дракулу, но тот, вместо того, что бы предлагать очередные способы побега, внезапно замер, уставившись куда – то вбок. Я проследил за его взглядом. На стене, куда он смотрел, висела огромная, в человеческий рост, картина, изображающая молодую девушку в средневековом охотничьем костюме.

Я конечно не искусствовед, но девушка была нарисована красиво. Зеленый бархат мужского костюма выгодно оттенял золото волос, голубые глаза были безумно глубоки, а на губах скользила легкая усмешка.

Неизвестная модель, положившая левую руку на эфес шпаги, висевшей на поясе справа, казалось, смотрела прямо в душу...

Я мотнул головой, отгоняя наваждение. Дракула стоял, не отводя взгляда от картины, а в дверь уже ломились во всю!

Он медленно провел пальцем по картине: на ладони остались следы краски. Я не выдержав, встряхнул «Черного плаща» за плечо:

– Эй, нам пора!

Он резко повернулся, хлестнув меня взглядом, и у меня в сознании обжигающе-болезненно вспыхнули слова:

«УБЕРИ РУКИ, СМЕРД!!!»

Я испуганно отдернулся, а он вытер пальцы о бумаги, лежащие на столе и обвел мрачным взглядом комнату. Вовка тем временем позаглядывал во все двери, выглянул в окош-

ко и, не заметив того, как Дракула странно смотрел на картину, оптимистично сообщил:

– Бежать некуда! За дверью спальня, а за окном – балкон.
М – мда...

«Черный плащ» мотнул головой и бросил, возвращаясь к реальности:

– Значит, будем прыгать.

– Чего????!! – в один голос выдавили мы с Вовкой.

– То, что слышали! Вы приземлитесь на ноги.

– А..., – начал я.

– Девчонка? Она вам нужна? Бросьте её здесь!

– Э...

– Ясно. Пусть один выпрыгнет и поймает ее.

Логично.

Вовка распахнул дверь на балкон, и, пока я брал Аню на руки, легко перемахнул через кованые перила. Он действительно приземлился на ноги, поймал Аню, которая, кажется, была уже не без сознания, а просто спала...

К счастью все ломились в дверь, а потому во дворе никого не было. Я же вернулся в комнату за Аниной сумкой (ну, и за одно, за Дракулой) и увидел, что он подхватил со стола, успевшего уже сдвинуться на пару сантиметров, исписанный лист бумаги. Потом в его руке блеснул кинжал (мне стало, мягко говоря, не по себе), Дракула окинул взглядом комнату, а затем, взвесив кинжал в руке, вогнал его по рукоять в

дверную колоду, прибив к стене исписанный лист.

Любопытный способ оставлять послания!

Я накинул Анину сумку на плечо, оставляя руки свободными, а Дракула откинул тяжелую штору и выскочил на балкон.

Я вышел вслед за ним. Стол сдвинулся еще на пару сантиметров.

«Черный плащ» легко перемахнул через перила, приземлившись в паре сантиметров от Вовки. Выпрыгнул и я, едва не свалившись ему на голову.

Н – ну! И что дальше?! Вокруг сплошной кирпичный забор, а ворота замкнуты!

– Дети! – хмыкнул Дракула и направился к забору.

Сейчас он закричит «Кийя» и выбьет ногой калитку...

Ни фига подобного. Дракула легко подпрыгнул и, вонзая пальцы в цемент между кирпичами, забрался на самый верх.

Я так и замер с открытым ртом...

– Строителям надо головы поотрывать. Разве ж это цемент! Песок один! – хмыкнул вампир, а потом прошипел. – Долго вы еще стоять будете?! Давайте сюда девчонку.

– А скидывать ее как будем? – резонно возразил Вовка.

Он передал Аню мне. Дракула протянул ему руку и Вовка легко оказался на самом заборе, а затем, картинно взмахнув руками, прыгнул на ту сторону.

Я подал спящую Аню. Дракула передал её Вовке и протянул мне руку:

– Ну?

В этот момент, из – за угла послышался голос:

– Босс, – и вышел один из «дракулячьих придверных мальчиков», – я поставил машину в гара...

И тут он увидел нас. Я как в замедленном кино, увидел, как округлились его глаза, он открыл рот, собираясь закричать, и этот момент ему в горло вонзился кинжал с черной, отполированной до блеска рукоятью.

«Шкаф» неловко взмахнул руками и, не издав ни одного звука, повалился на землю.

– Ты идешь?! – прошипел сверху голос Дракулы номер два.

Я поднял глаза:

– А разве он не должен вытащить кинжал и погнаться за нами?

– Фильмов меньше смотреть надо. Это серебро! Руку давай!!!

Едва я оказался с той стороны забора, как Вовка тут же отдал мне в руки Аню:

– Забирай свою невесту.

Ну он и хам!!! Какая, к чертям собачьим, невеста!!! Он, что с дуба рухнул и прям на ежика?!

Вовка невинно захлопал глазами.

В этот момент на землю спрыгнул и Дракула и только это спасло Вовку от моей страшной, страшной мести. Ничего, я

еще с ним расквитаюсь.

– Пошли, – ровным голосом скомандовал Дракула.

– Сейчас, – я подхватил поудобнее Аню. – Вовка, тебе не кажется, что она слишком долго не приходит в себя?

– Она спит, – ответил вместо Вовки «Черный плащ».

Спит??? В такое время??? Шутки – шутками, но это уже не смешно.

– Она спит, потому, что я так захотел, – сообщил Дракула, – а теперь пошли.

И он направился вниз по улице. Нам ничего не оставалось, как пойти за ним, и я получил возможность осмотреться. Судя по всему Дракула номер один жил в частном фешенебельном секторе: по обе стороны от дороги находились двух – трех этажные новорусские дома, обнесенные коваными и кирпичными заборами.

Стол, приставленный к двери, медленно, но верно, сдвигался в сторону. Еще несколько толчков и... В комнату влетели двое не рассчитавших своих сил вампиров. Вслед за ними в кабинет медленно вошел и сам Дракула.

Он обвел взглядом комнату, сдернул со стены записку... А через несколько мгновений скомканная бумажка полетела в стену:

– Дьявол!

Некоторое время мы петляли по улицам, а потом вышли

куда – то в смутно знакомое место.

– По-моему, мы на площади «Трех птиц», – задумчиво протянул Вовка.

– Где??? – уставился я на него

– Андрюх, ну ты и «тормоз», – возмутился он. – Городского жаргона не знаешь. Вон видишь – милиция, а там было кафе «Ласточка» – сейчас оно то ли «У Василича», то ли еще как – то называется. А вон там – кинотеатр «Сокол», его сейчас практически снесли.

– «Сокол» и «Ласточка» – две птицы. Третья где?

– Не, Андрюх, ты не «тормоз», ты – стоп-кран... милиция – не птица по-твоему? Зря они, что ли, на черных «воронках» раньше ездили? Ворон он и есть ворон...

– Хватит пререкаться! – рявкнул Дракула. – Пошли.

Он подошел к краю дороги и начал голосовать, останавливая машину.

Интересно, а нас в таком виде в «такси» пустят?

– Вас просто не заметят, – бросил «черный плащ» через плечо.

Наконец, какой – то водила рискнул остановиться перед нашей странной компанией. Водитель высунулся из открытого окна и поинтересовался:

– Ну и куда едем?

– Далеко, – хмыкнул вампир.

В тот же момент взгляд водителя остекленел и он, растя-

гивая слова, произнес:

– Садитесь, милорд.

Ой, не нравится мне все это... Но, с другой стороны, пешком идти до дома??? Не... так только к рассвету и дойду...

Мы погрузились в машину (Дракула уселся на переднее сиденье, мы, трое, – на заднее, и Аня положила голову мне на плечо)... Водитель, судорожно сжимая руль, хрипло поинтересовался:

– Куда ехать, милорд?

Дракула бросил на нас короткий взгляд, Вовка уставился на меня... Я не выдержал:

– К Областной больнице.

– Зачем?! – взвыл Вовка. – Ты хочешь сдать Аньку на опыты??? Так это ж не поликлиника, а ты не почтальон Печкин!!!

– Вот ты тормоз! – не выдержал я. – Я где живу? Возле Областной. Родителей сейчас дома нет... Или ты предлагаешь поехать к тебе?!

Вовка запрокинул голову, пристально изучая потолок машины и начал занудно повторять:

– Ля-ля-ля, жу-жу-жу, я сегодня торможу. Ля-ля-ля, жу-жу-жу, я сегодня...

– Оно и видно, – пробурчал я и Вовка заткнулся, но, похоже, его бубнение что-то сбilo в тонкой настройке гипноза – водитель нервно задергал головой и начал повторять:

– Куда ехать, милорд? Куда ехать, милорд? Куда ехать, ми...

– К Областной!!! – рявкнул невыдержавший Дракула.

Спокойней надо быть... Спокойней... Тогда и народ к тебе потянется...

Водитель нажал на газ, а Вовка, которому я показал кулак, демонстративно отвернулся к окну. Некоторое время он что-то высматривал там, а потом с тихим истеричным смешком, уткнулся лицом себе в ладони.

– В чем дело?! – перепугался я

Вовка, не отвечая, ткнул пальцем в сторону окна. Ничего странного или смешного я там не видел: полуразобранное здание кинотеатра, забор и традиционные афиши выступлений приезжающих «звезд».

– Ну и?

Вован, по-прежнему хихикая, снова ткнул пальцем, на этот раз указывая на объявление, висящее на заборе. «ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ СТРОЙКИ ОЧЕНЬ ОПАСНО ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ» гласил плакат.

– Все равно не въезжаю...

– Я просто представил, – объяснил в промежутках между подавляемым хихиканьем Вовка, – в чем эта опасность для здоровья может выражаться: стройку надо охранять, вот и бегают по ее периметру прораб с огромным таким ломиком...

Тут уже расхохотался и я, представив описанную Вовкой

картину: вечер, полумрак... И бегают вокруг забора мужик в синей спецовке и с каким-то дрыном в руках...

– О, Господи!!! – с сиденья, рядом с водительским, раздался тихий стон. – За какие прегрешения ты послал мне этих двух идиотов?!

У него, что, вообще нет чувства юмора?!

Наконец, эта безумная поездка закончилась. Я, честно говоря, уже и не надеялся добраться до дома живьем: всю дорогу водитель даже не пытался покоситься в зеркало заднего вида!

Машина резко остановилась напротив Областной больницы, и мы осторожно выползли из нее. Я едва не забыл вытащить из машины Аню. Но, вот когда наружу вышел Дракула, начались проблемы: водитель удивленно уставился на нас сквозь ветровое стекло, а затем и вовсе вылез из машины:

– Что (вырезано цензурой) здесь происходит?! Как я (вырезано цензурой) здесь оказался?! Кто (вырезано цензурой) вы вообще такие?!

Дракула медленно, со стороны капота, обогнул машину (водитель, занервничав, нырнул в салон, судорожно роясь под сиденьем в поисках монтировки) и, оперевшись на открытую дверь, тихим глубоким голосом сказал:

– Посмотри мне в глаза.

Водитель вскинул голову и замер, уставившись в черноту его зрачков (монтировка оглушительно звякнула, упав на

асфальт).

– А теперь, – продолжил Дракула. – Ты заводишь машину. И когда я досчитаю до трех, ты уедешь туда, где мы встретились и забудешь все что было с того момента, как я остановил машину... Раз... Два... Три...

Водитель захлопнул дверь, машина рванулась с места и умчалась, едва не сбив меня. Бедный несчастный нагруженный я еле-еле успел отскочить в сторону.

А Дракула мотнул головой, отбрасывая с лица прядь длинных, слегка выющихся, волос цвета воронова крыла, пробурчал что-то вроде: «Боже, как я устал...» и вновь мрачно уставился на нас с Вовкой:

– Вы так и будете торчать как жены Лота или мы все-таки пойдем?! Где твой дом?

– Пошли, – вздохнул я.

К счастью, мы находились неподалеку от дома, где я живу. Но вот когда мы зашли в подъезд, вновь начались проблемы. Во-первых, лифт не работал – пришлось подниматься пешком... И это на восьмой этаж!!! А я еще и Аню на руках держал... По-моему, она тяжелела с каждым новым этажом, прибавляя на каждом лестничном пролете килограмм по пятьдесят. А то и все сто...

Этажу к четвертому Вовка легко обогнал меня, крикнув при этом:

– Андрюх, тебе идет этот галстук!

– Ка-кой галстук? – пропыхтел я.

– Красный! У тебя на плече! А, это твой язык! Извини, обознался!

ГА-А-АД!!!

К шестому этажу Вован успел пять раз обозвать меня «Ромео» и три раза спеть «тили-тили-тесто, жених и невеста!».

К седьмому этажу я твердо решил, что едва мы поднимемся на мой этаж, я его застрелю, четвертую, колесую, а после этого еще и надругаюсь над трупом путем расчленения!!! Если от него еще что-нибудь останется...

Но к восьмому этажу, когда я, задохнувшись, остановился перед дверью (ни капельки не запыхавшийся Дракула уже стоял там, оперевшись плечом о косяк), Вовка перехватил Аню и улыбнувшись сказал:

– Ищи ключи...

Я, роясь в карманах, решил, что так и быть прощу(или «простю», как правильно?) его, но в этот момент Вован продолжил:

– ...Ромео!

Все-таки он сволочь! Хотя и мой друг, решил я, вытаскивая брелок с ключами. Или лучше наоборот? «Мой друг, хотя и сволочь»?

Едва я повернул ключ в замке, как Вовка снова передал мне Аню, а сам принялся открывать дверь. Ой, зря он это сделал...

Бедный Вован едва успел отскочить в сторону, когда на

лестничную клетку выскочил шерстяной клубок из двух собак. Коричневые чау-чау бешеной лавиной промчались мимо нас, метнулись к лестнице, едва не затоптав замершего Дракулу, и скрылись внизу...

Ну вот, теперь их еще ловить...

Господи, за что мне эти муки!!!

Выгрузив Аню на диван в зале, и бросив на пол ее сумку, я простонал:

– Вов, поройся в холодильнике, а я пойду собак выловлю...

Барсик и Мурзик, скоты пушистые, наматывали круги по двору, пока я, прислонившись к железной двери, флегматично следил за ними взглядом. Жрать хочется, аж переночевать негде... А эти твари блохастые мечутся, хоть бы хны им! Пустить на шашлык их, что ли? Так Ромка, брат мой младший, такую бучу поднимет!!! «Ой, мои песики!!! Ой, мои песики!!!» Ага, его песики, его. А как выгуливать их, так Андрей – самый крайний!

И завел же еще этот остолоп себе привычку. Чуть что, так сразу: «Ма-а-аленьких все-е-е обидеть норовя-а-а-ат!!!» (Произносится с таким характерным всхлипыванием).

Блин, маленький он! Семнадцатилетний столб, на голову выше меня, а сам туда же. Маленький! Ну не гад ли он, после этого!

А потом еще и добавляет: «Обижают бедного несовер-

шеннолетнего ребенка!». Однажды я не выдержал и спросил его:

– Ром, а что ты будешь говорить, когда тебе стукнет восемнадцать?

– Ну..., – задумался он. – Обижают бедного только-только совершеннолетнего ребенка.

– А в девятнадцать?

– Обижают бедного давно совершеннолетнего...

– А в двадцать? – перебил его я.

Он задумался, а потом выдал:

– Обижают бедного ребенка, несовершеннолетнего по американскому законодательству!

Ну, этому его точно Вовка научил, юрист хренов!

Наконец собаки нагулялись и подбежали ко мне. Я погладил Барсика по голове, потрепал Мурзика за уши, открывая дверь в подъезд, и чау-чау медленно вошли в подъезд. Вошли-то они медленно, но вот догнал я их только на восьмом этаже.

Слава богу, дверь Вовка не закрыл. Я вполз в квартиру, разулся, бросил носки к стиральной машинке и, пройдя в свою комнату, переоделся, натянув джинсы и первую попавшуюся шведку. Рубашка, правда, оказалась Ромкиной, на размер меньше, но это уже его проблемы... Тем более, что она была настолько помятой, словно по ней топтались слоны...

Вовка поставил на стол на кухне нарубленную огромными кусками колбасу, сыр, полувыжатый лимон (нож, что ли, не мог наточить?), печенье и чай. Дракула, оставшийся в плаще (а я, честно говоря, всегда считал, что плащи – верхняя одежда, которую надо снимать, входя в комнату...), сидел возле окна... Едва я вошел, он окинул меня таким ледяным взглядом, что мне захотелось вернуться в спальню и, если не закопаться под кровать, то, хотя бы, переодеться в фрак или смокинг. Да вот проблема: из единственного френчика, купленного к выпускному вечеру в школе, я уже давно вырос...

Так что, я загнал это недостойное желание поглубже и, сполоснув руки, уселся за стол. Ложка растворимого кофе, две ложки сахара, кипяток... Господи, как я устал!!!

– Это еще цветочки, – мрачно пообещал Черный плащ.

– Оптимистично! – хмыкнул Вовка. – Кстати, может, все-таки скажешь, как тебя зовут?

– Во первых, не «тебя», а «Вас», – интересно, у него рефрижераторов в роду не было? – А во-вторых, я уже говорил. Я – Влад III Цепеш-Дракула Валашский.

– Поиграем в Станиславского, – заявил Вовка. – Не верю!!! Тот хмырь, у которого мы были в гостях, тоже называл себя Владом Дракулой.

– Он. Назвался. Моим. Именем?!? – прохрипел зубастик.

Пальцы его левой руки, лежавшей на столешнице, побелели, а когда он, справившись с волнением (хотя, какое, на фиг, волнение! Ярость это была, не меньше) убрал ладонь,

на крышке стола остались четыре вмятины.

Что ж я предкам скажу???

– Он назвался Владом Дракулой, – подтвердил я, изо всех сил пытаюсь казаться спокойным.

– Ага, – вмешался Вовка. – И, кроме того, он – точно не Дракула?

На лице Черного Плаща заиграли желваки:

– Я действительно Влад III Цепеш-Дракула Валахский. А если вы мне не верите, это ваши проблемы!!! – он резко встал на ноги.

– Эй-эй-эй, – выпалил Вовка. – Предположим, что мы верим! Может, тогда расскажешь о себе?

Черный Плащ медленно опустил на диван:

– Я родился в 1435 году. До 14 лет жил при дворе турецкого султана. В 1456 году взошел на престол в Валахии... Еще вопросы есть?

М-да... Тон такой ледяной... Как там в песенке? «А мы пингвинчики, а нам не холодно, а мы на севере живем...» Еще один ледяной взгляд и я поперхнулся смехом и поинтересовался:

– А ты... Вы... Человек?

– Естественно! – фыркнул он. – Примерно в 1458 году я нашел в замке в Тырговиште...

– Где? – не понял я.

– В Тырговиште!!! Это столица Валахии, – я едва не ляпнул: «А это где?», но в последний момент сдержался. Зав-

тра в Интернете все найду. – Так вот. Я нашел книгу на латыни. Там было заклятие, позволяющее, по мнению автора, стать бессмертным. Кроме того, там указывалось, что в случае тяжкого ранения, от которого обычный человек бы умер, человек, прочитавший бы это заклинание, способен восстановить недостачу крови за счет... крови другого человека...

– Вампиризм..., – пробормотал пораженный я.

– Не совсем. У заклятого нет боязни света, осины и подобной ерунды... Хотя, он, подобно вампиру – бессмертен...

– А... что происходит с тем человеком, кровь которого выпили? – поинтересовался Вовка. – Он умрет?

– Нет. Если кровопотеря будет небольшой, то он, возможно, даже не заметит, что его кто-то пил... Если же потеряно много крови, столько, что человек не может выжить, он станет «ночным охотником».

– Кем?! – не понял Вовка.

– О Господи! – выдохнул Дракула. – Бессмертным существом, не выдерживающим солнечного света, серебра, осины и пьющим кровь.

– *Vampiris sapiens vulgaris*, – протянул я.

– Андрюх, не умничай! Этого никто не оценит!

С-с-скотина!!! Ничего, я с ним еще разберусь: понадобится ему по английскому домашку перевести, фиг я ему ее делать буду!

– А ты пил кровь? – спросил Вовка у Дракулы.

– Пару раз.

Интересно, почему он Вовку не поправляет, когда тот ему «тыкает»?

– И когда был первый?

Дракула прикрыл глаза, вспоминая, а потом тихо произнес:

– Семнадцатого июня 1462 года... Во время ночной атаки меня сбросили с коня, тяжело ранили... Там был какой-то турок... Я не видел его лица, оно было залито кровью: его кто-то полоснул саблей или мечом по лицу...

В наступившей тишине было отчетливо слышно, как Вовка булькает потягиваемым чаем.

– А что насчет нас? – спросил я. – Почему мы не боимся света?

– У вас двоих – другая инициация. Это ведь вы пили мою кровь, а не я вашу. Так что на вас ни свет, ни осина действовать не будет.

– А серебро? Крест? Клыки, в конце концов?! Долго они будут таким?!

Дракула задумчиво потер подбородок:

– Через пару дней вы перестанете реагировать и на них. Клыки... Пара суток и они станут незаметными. Конечно, если вы сами захотите, они появятся вновь... И еще... Вы не бессмертны.

– Ура! – тихо прошептал Вовка.

М-м-м, если мне не изменяет мой склероз, кто-то говорил, что он никогда не врет? Но я решил не заострять на

этом внимания:

– А что насчет крови? Почему мы не хотим ее пить?

Легкая улыбка:

– По той же причине, что и я...

– Тогда почему тот вампир так хотел, чтобы мы попробовали кровь?

Дракула номер Два пронзил меня взглядом:

– Он *действительно* этого хотел?!

– Да, – кивнули мы. – Даже требовал!

Черный плащ задумчиво переплел пальцы рук и, поставив локти на стол, оперся на кисти подбородком, а затем медленно протянул:

– В той книге было сказано, что если «ночной охотник» выпьет кровь «охотника дневного», попробовавшего человеческой крови, то «охотник ночи» станет невосприимчив к свету солнца...

О-ба-на!!!

А Дракула, между тем, порывисто встал (плащ плеснул подобно крыльям):

– Ну что ж... В случае опасности можете попытаться позвать меня... Даже в мыслях...

А потом, проходя мимо меня бросил:

– Девчонка проснется через пол часа. Будет лучше, если вы к этому времени придумаете какое-нибудь объяснение по поводу того, как она здесь оказалась.

Он вышел в прихожую (я вскочил на ноги), толкнул дверь

(я же закрывал ее!) и начал спускаться по лестнице.

– Знаешь, – протянул Вовка, выливая в раковину остатки чая, – мне почему-то кажется, что он, давая нам выпить своей крови, руководствовался совсем не чувством благодарности.

Вот так и становятся циниками: сперва в благотворительность не верят, потом сами «за просто так» людям не помогают...

Я задумчиво скользнул взглядом по комнате:

– А я вот думаю... Он говорил, что вампиром становятся при большой потере крови... А с чем это может быть связано?

– Андрюх, мне кажется, что дело не в количестве крови. Просто изменения происходят на генетическом уровне. Примерно так: при чтении заклинания, если он сказал нам правду, перестраивается ДНК, делая человека бессмертным... При укусе в организм попадает... ну, например... слюна с уже неправильными генами. Если человек полностью здоров, то его антитела успешно борются с поступившими клетками, уничтожая их, а если он – болен, ну... там... тяжелая или смертельная рана, болезнь, большая кровопотеря... то тут достаточно пары глотков. Ослабленный организм не сможет уничтожить захватчиков и появляется новый вампир...

Я уставился на Вовку:

– Ты уверен, что ты юрист, а не биолог?

– Дурак я, дурак! Был бы умным – не купился бы на твою провокацию с выпивкой, спал бы сейчас спокойно...

ЧЕГО??? Это я его спровоцировал выпить??? Да это он ко мне с бутылкой водки приперся!!!

Вован полюбовался на мою отпавшую челюсть и заявил:

– Ладно, шутки в стороны, давай лучше придумаем, что Ане скажем. Как насчет...

Аня действительно проснулась через полчаса. Она резко села на диване и испугано уставилась на нас с Вовкой:

– Где я???

– Не бойся, – я начал бойко озвучивать свежепридуманную историю: – Ты шла по улице, подскользнулась, упала, потеряла сознание. Я шел сзади, увидел, подхватил, принес сюда. Вот и все!

Ой, только не надо говорить, что это полный бред! Вовкина версия звучала еще хуже: «Это все сон!!! Тебе это все снится!!! Когда ты проснешься, этого ничего не будет!!!». Причем произноситься все это должно было с жуткими подвываниями и помахиванием перед Аниным лицом какой-нибудь фиговиной... Гипнотизер недорезанный!

В ответ на это предложение, я смерил Вовку взглядом и посоветовал:

– Не забудь в конце добавить: «Запомни, Нео, ложки не существует!!!»

– Чего? – не понял Вовка.

– Того! – передразнил его я. – Бред ты несешь, вот чего!

В результате был принят мой вариант, который и был только что рассказан Ане.

Девушка скользнула по мне скептическим взглядом и сообщила:

– Вранье. Мы виделись раньше. Мы были в какой-то зеркальной комнате и вы сказали, что вы вампиры. Вы еще представились. Тебя зовут Андрей, – она уверенно ткнула пальцем в сторону Вовки, – а тебя – Владимир, – в мою сторону.

– Наоборот, – обреченно вздохнул я.

– В смысле?

– Я – Андрей, а он – Вовка.

Пришлось все ей рассказывать. Единственное, что я специально пропустил, это разговор с Черным Плащом. Девушка молча выслушала эту безумно познавательную историю, а потом сообщила:

– Бред.

– Ну, извини, – хмыкнул Вовка. – Выбирай, либо бредовую историю, либо придуманную. Третьего не дано...

Аня скользнула по нему удивленным взглядом, а потом резко, безо всякого перехода спросила:

– Я могу уйти?

– Естественно, – пожал плечами Вовка, а я, стараясь не смотреть в его ехидные глаза, предложил:

– Давай, я провожу тебя до автобуса?

– Давай, – кивнула она.

Я смотался в свою комнату, натянул уже свою рубашку и, подняв с пола сумку, протянул ее Ане:

– Пошли?

Вовка начал тихо насвистывать мотив «Ромео и Джульетта... Никто не знал ответа...» Ну, или что-то в этом роде. Вернусь домой – убью!!!

До остановки мы дошли в полном молчании. В конце концов, я не выдержал:

– Ань, может тебя до дома проводить, а то родители ругаться будут.

Да какая на фиг любовь?! Элементарная забота! Она улыбнулась:

– Не будут. Я не местная, живу в студенческой общаге. А родители в другом городе.

– Так сессия же везде три дня назад закончилась! Или у вас она до середины июля?

– Нет. Я просто на пару дней в городе задержалась. В среду собираюсь уезжать...

Опять наступила тишина... Как там говорят? «Мент родился»? Раз это – про минуту молчания, то за то время пока не разговаривали мы с Аней, должно было родиться человек тридцать.

Наконец на горизонте появился ранний автобус. Аня вгля-

делась в его номер:

– О, это – мой! Пока, Андрей!

И тут меня словно черт за язык дернул:

– Ты не оставишь свой номер телефона?

– Что? – она удивленно посмотрела на меня.

– Твой номер телефона. Дашь?

Аня удивленно хмыкнула:

– Н-ну... Записывай.

Естественно, у меня не оказалось даже карандаша. Аня вытащила из сумки чернильную ручку, и я поспешно накарябал на ладони ее номер.

– Ага, спасибо. Ну, ладно... Пока?

– А-а-а... ты не хочешь дать мне свой телефон?

М-да... Крыша едет капитально...

– Записывай.

Аня достала старый, пошкрябанный сотовый и сохранила в его памяти мой номер. Весело улыбнувшись, она помахала мне на прощание рукой и зашла в автобус. Я проводил его взглядом и отправился домой.

Вовка, усевшись с ногами на диван, неспешно листал «Понедельник начинается в субботу» Стругацких. Когда я вошел в зал, он поднял голову и поинтересовался:

– Ну, что, Ромео, выяснил телефон своей Джульетты?

Тут я уже не выдержал:

– Слушай, Меркуцио, еще раз обзовешь меня «Ромео», и

я тебя придушу!!!

Вован отложил книгу и флегматично сообщил:

– Меркуцио не задушили, а зарезали. Классиков читай!

Ну все! Он труп!!!

В этот момент зазвонил телефон и только это спасло Вована от заслуженной расплаты (кто там может звонить в пять часов утра?!). Я вышел в коридор, взял трубку:

– Да, слушаю.

– Алло, Андрей, это ты?! – всхлипнула трубка. – Это я, Ася. Извини, что я так рано звоню. Ты случайно не знаешь, где Вовка?! Он уже третий день дома не появляется!!!

– Да, сейчас. Подожди, – я прикрыл микрофон ладонью и крикнул в зал:

– Вов, тебя сестра к телефону.

Вован выскочил в коридор, схватил трубку:

– Алло!

Я же предусмотрительно ушел в зал (у нас в трубке очень громкий микрофон), но и это не помогло: я прекрасно слышал Вовкин и Асин разговор.

– Вовка, это ты?! Где тебя черти носят?! Мама с ума сходит, а ты шляешься фиг знает где!!!

– Ася, я...

– Позвонить не мог?! Ты третий день шляешься черт знает где, и что, руки до трубки не дотянулись?!

– Ася, я...

– Ты вообще офигел что ли?! Если тебя через полчаса не

будет дома, я лично приеду к Андрею и отрежу тебе все выступающие части тела, начиная с головы!!!

Каких полчаса?! Она сдурела?! Да до них час езды, как минимум!

– Ася, я...

– Ты понял?! Даю тебе час сроку!! – И она бросила трубку.

Ошарашенный Вовка влетел в зал. Его глаза, по выпученности, могли поспорить с рачьими.

– Андрюх, я побегал. Аська там рвет и мечет. Мама Лида, наверное, тоже. Свяжемся!

Я кивнул. Вовка снял с пояса рубашку, развернул ее, критически хмыкнул и накинул ее, не застегивая.

– До встречи.

И он выбежал в коридор.

Постоянно забываю, что он живет в другой части города.

Дело в том, что раньше, в далеком розовом детстве, Вовка с семьей жили в квартире напротив: его и мои родители купили квартиры на одной лестничной площадке. Мы подружились, часто играли все вчетвером: я, Вовка, Ромка и Аська... Причем Ася была задирой покруче нас с Вованом.

А потом, когда Асе стукнуло двенадцать, а Вовке – одиннадцать лет, их отец, штурман дальней авиации, погиб в авиакатастрофе... Я помню, как тетя Лида рыдала навзрыд, как мама с папой отпаивали ее у нас на кухне валерьянкой...

Через пару месяцев она продала квартиру (ей все напоминало о погибшем муже...) и переехала вместе с детьми в

другой район. Но мы по – прежнему дружили с Вовкой: перезванивались, общались... И, по-видимому, как показали события последних дней, – зря...

В общем, я замкнул за ним дверь и, не раздеваясь, повалился на диван в зале, надеясь подремать полчаса до приезда родителей.

Не тут – то было. Едва я прикрыл глаза, раздался звонок в дверь: приехали папа, мама и Ромка...

Часть вторая

Раз вампир, два вампир...

Тихо взыв, я вскочил на ноги. Господи, за что мне эти муки?! Полцарства за подушку, одеяло и кровать! И не нужен мне ваш конь!

Клятый звонок не смолкал ни на мгновение: похоже перед дверью стоял Ромка (это только он звонит так, словно хочет спалить всю проводку в доме). Проползая мимо зеркала в прихожей, я покосился на свое отражение и едва не рухнул в обморок: глаза – красные, как у кролика после недосыпа, волосы стоят дыбом и завершает картинку расстегнутая на пузе рубашка... Фредди Крюгер отдыхает. Да что там Крюгер! Я сейчас Франкенштейна могу безо всякого грима играть!!!

Братишка похоже, решил спалить звонок. Сейчас самое главное – медленно подкрасться к двери, осторожно, стараясь не щелкать, повернуть ключ в замке и... резко открыть дверь. Вот черт! Не получилось по лбу заехать... Ромка стоял, сжимая в руках по сумке и недоумевающее хлопал кари-ми глазами:

– Ты что там, спишь?!

М-мда... Задать подобный вопрос в начале шестого утра, мог только мой брат. Второго такого идиота отыскать крайне

проблематично...

Я, молча, не встречая ни в какие разговоры, забрал у него кульки и оттащил их на кухню. Потом помог занести остальные вещи: мама всегда набирает столько, что кажется, что она переезжает на дачу насовсем.

Попав в дом, мама, первым делом, рванулась к холодильнику, осмотрела его содержимое и строгим голосом поинтересовалась:

– Андрей, почему ты ничего не поел за три дня?

Хороший вопрос... Знать бы еще как на него ответить...

– Я ел!

– Ага, – хмыкнул «глубоко любимый» младший братишка, заглядывая во внутренность рефрижератора через мамин плечо. – А почему тогда все на месте?

Удушю!!!

– Ну... Ничего подобного! Я ел!

– Что? – с маминым тоном было ненужно никакого холодильника.

– Все!!!

Ромка открыл рот, собираясь что-то ляпнуть, но я резко наступил ему на ногу, брат взвыл и мама, наконец-то, отвела взгляд от прокисшего борща:

– Рома, что случилось?!

– Андрей, ты с-с-с..., – я предусмотрительно показал братишке кулак, и тот быстренько поменял тему: – с-скажи лучше, почему ты не отвечал на телефонные звонки?

Нет, я его точно прибую!

– А никто не звонил!

– Быть не может, – зевнул вошедший на кухню отец: – Мама тебе через каждые полчаса звонила. И на домашний, и на сотовый.

– Не было ничего!

– Принеси свой мобильный, – потребовала мама.

Пожав плечами, я направился к себе в комнату. Обнаружив трубку на подоконнике, я минут пять рылся в шкафу, делая вид, что ищу сотовый по карманам, а на самом деле стирал все неприятые звонки за последние три дня. Их набралось ни много ни мало: сто пятьдесят семь штук. М-да...

Выйдя на кухню, я предъявил родителям свой мобильник и, честно глядя в ошарашенные глаза мамы, заявил:

– Наверно, сбой в сети был... Магнитная буря...

– Возможно...

Портреты. Хоть их всего три, кажется, что взгляд преследует повсюду. Молодая девушка, не отрываясь, смотрит вперед. Где-то взор удивленный, где-то – чуть насмешливый, где-то спокойный...

Такой же спокойный, как и на ТОЙ картине...

Кто он, тот вампир? Надо было сразу выяснить у этих мальчишек...

Теперь вот еще и они... Новые инициированные. И зачем только напоил своей кровью?

Хотя... Через неделю превращение будет полностью завершено: станут клыки, окончательно проявится сила...

Вот через неделю и заглянем к этому... господину... Кем бы он ни был...

К восьми часам родители ушли на работу, и Ромка рванулся к компьютеру, уничтожать то ли гоблинов, то ли троллей, то ли еще каких-то монстров. Бедненький, три дня без компьютера. Как же он выжил в таких бесчеловечных условиях?

Я же прошел в свою комнату, разделся и рухнул на разложенный диван-кровать, искренне надеясь поспать часов до четырех. Так бы и произошло, если бы у меня был нормальный брат, но дело в том, что брат у меня не нормальный, и я с каждым днем все больше и больше в этом убеждаюсь...

Дело в том, что гоблинов Ромка уничтожал примерно до часа дня. Потом ему это резко надоело и братишка не нашел ничего лучшего кроме как поиграть с собаками. В мячик.

Никогда не верьте, если вам скажут, что чау-чау – флегматичные собаки. Нет, возможно где-нибудь в Китае (кажется они оттуда), они и флегматичные, но только не у нас в квартире.

Началось все с того, что кое-кто (не буду показывать пальцем) залепил мне в лоб погрызенной собачьей игрушкой. Потом по мне пробежались килограмм пятнадцать живого собачьего веса. Ничего не понимающий я подскочил на кро-

вати и ошарашено заозирался по сторонам. Мурзик всю греб лапами по моей кровати, стремясь выкопать закатившийся неизвестно куда мячик, Ромка стоял и тихонько хихикал в кулак, а вокруг него с радостным лаем прыгал Барсик.

– Кретин!!! – взвыл я, хватая свою подушку и запуская ею в братца.

При этом я искренне надеялся, что смогу засветить ею Ромке по кумполу... но... увы и ах... Я не учел такого важного фактора, как Барсик. За мгновение до того, как подушка врезалась в физиономию моему братцу, чау-чау подскочил, как на пружинах, вцепился зубами в угол наволочки и, яростно рыча начал ее трепать. Ромка замер, удивленно уставившись на меня.

Мурзик тоже остановился, а потом рванулся к Барсику, в очередной раз пробежавшись по мне.

Нет, теперь я уверен, что если не заработаю за этот месяц шизофрению, то язва с аппендицитом у меня будет точно.

Итак, Барсик вцепился во второй угол, собаки потянули в разные стороны, раздался оглушительный треск и...

Всю комнату припорошило легким снежком куриных перьев...

Я так и замер. И на чем я теперь буду спать?!

Ромка скользнул взглядом по комнате, уставился на меня и внезапно расхохотался в полный голос.

– Ты че ржешь?!

– Андрей, да ты на себя посмотри!!!

Я встал на ноги и осторожненько прошел в родительскую спальню мимо собак, по-прежнему треплющих остатки наволочки (кто их знает, щас как кто-нибудь из них укусит меня за ногу. И между прочим, хотя их и две, обе они мне дороги как память). Напротив родительской кровати стоит большое трюмо, и я остановился перед ним, разглядывая себя в зеркало.

Я, конечно, не тормоз, но первая мысль после этого взгляда у меня возникла минут через пять. Не меньше. Причем звучала эта мысль примерно так: «Куда уехал цирк и почему я, собственно, остался?!»

И было от чего. Перед зеркалом стояло НЕЧТО. В одних семейных трусах. Судя по трехдневной щетине – мужского пола. С перекошенной физиономией, ясно повествующей о вечной трагедии русского народа на бессмертную тему «перенедопил», то бишь, «выпил меньше, чем хотел, но больше, чем мог»... Хотя, по-моему, за три дня похмельный синдром мог и исчезнуть...

В всклокоченных волосах этого самого НЕЧТА (в моих, то есть) застрял пучок куриных перьев. Еще одно перо прилипло к кончику носа...

Я скосил глаза к переносице, отклеил перо и, стараясь не очень сильно дергать головой при ходьбе (не дай бог, перья рассыплю!), вернулся в свою спальню. Там я вынул перья из волос, всунул их в руки брату, вырвал из пастей Барсика и

Мурзика жалкие останки наперника и задушевым голосом сообщил Ромке:

– А сейчас ты возьмешь нитку, иголку и починишь подушку.

– а почему я?! – вскинулся он. – Это ведь из-за тебя она порвалась!

– Прибью...

– Кого? Куда? – решил покосить под идиота Ромка.

Господи, закрой уши, мне выговориться надо!

– Тебя. К потолку. За уши.

– А я маме пожалуюсь! – хмыкнул он, естественно не поверив мне.

Пора придумать что-нибудь поновее и пострашнее. А то он уже не боится...

– А ужин тоже ты готовить будешь?

Этого Ромка терпеть не может делать:

– Ма-а-а-аленьких все-е-е...

– Значит, все-таки, ты.

– Я уже иду за иголкой, – крикнул он, выбегая из комнаты.

К счастью, Барсик с Мурзиком не успели растаскать содержимое подушки по квартире, хотя перьев на них налипло порядочно...

В общем, я помог Ромке пропылесосить квартиру, предварительно общипав собак, и показал брату, как правильно сшивать подушку. Тот ковырялся около получаса и, наконец,

предъявил мне свое произведение...

Честно говоря, принять ЭТО за подушку мог только какой-нибудь слепой абориген Африки, в жизни не видевший постельных принадлежностей. В настоящий момент ЭТО больше всего напоминало выброшенного на берег потомка медузы и осьминога...

Будем надеяться, я смогу подобрать под нее наволочку...

А пока я оделся и сложил кровать, засунув подушку подальше и поглубже в диван. К вечеру что-нибудь придумаю.

Потом мы с братом по мелочи прибрали в квартире (ну, там, пыль пропылесосить, собак расчесать) и я поинтересовался:

– Что будем готовить на ужин?

Ромка выпучил глаза:

– Ты же сказал, что готовить будешь ты!!!

– Буду. А ты будешь мне помогать.

– Так не честно! Не буду я тебе помогать!!!

– А в глаз?!

– А в ухо?!

– ЧЕГО???

Нет, ну что за подлость?! Почему он младше меня всего на три года?! Была бы разница в возрасте лет пять, я бы мог его повоспитывать, а так...

– То, что слышал!

– Выпорю!!!

Угроза, кстати, совершенно беспочвенная. И Ромка это,

между прочим, знает. Так что, он смерил меня взглядом и критически хмыкнул:

– Во-первых, я выше тебя на голову. А во-вторых, – противно загундосил братишка, – я ма-а-аме пожа-а-алу-юсь!!! – а после этого перешел на спокойный тон: – Она тебе покажет, как маленьких обижать!

– Серьезно?! – не поверил я. – Покажет?!

Ромка решил, что я испугался:

– Да! Покажет!

– Ой, как здорово!!! А то эти маленькие совершенно распустились, жизни от них нет. Может хоть мама покажет, как их правильно обижать, чтобы эти маленькие себя по-человечески вели!

Ромка сразу пожух:

– Злой ты... Чего мне делать-то надо?

В общем, я предложил ему подумать над тем, что мы будем готовить на ужин, а сам пошел в ванную — умыться хоть за три дня.

В ванной я включил воду и уставился на себя в зеркало. Ну что тут у нас? Вроде как ничего страшного. На этот раз. Что радует...

В общем, чистить зубы я не буду. В три часа дня?! Да это просто маразм!

Бриться не будем по той же причине. В конце концов. Раз уж у меня образуется эта самая трехдневная щетина, доно-

шу ее положенный третий день и сбрую завтра к чертовой матери.

В общем, я плеснул в лицо воды, растер ее по щекам, вытерся махровым полотенцем, висевшим сбоку на сушилке, и со спокойной совестью пошел на кухню.

Ромка стоял перед открытым холодильником и задумчиво изучал его содержимое. Услышав мои шаги, он начал, медленно поворачиваясь ко мне:

– Андрей, я думаю, может нам не мучиться, а просто...

Тут он, наконец, обратил на меня свой «светлый» взор, удивленно смерил меня взглядом и, прервав свой монолог, спросил:

– О, Вождь, почему ты не закончил боевую окраску?... Или раскраску? Как правильно?

– Чего? – не понял я

– Чернила с щеки сотри или вторую полосу нарисуй, Чингачгук Большой Осел!

Я метнулся в ванную, уставился в зеркало и Ромкин небогатый запас по немецкому языку, состоявший до недавнего времени из «russische Schwein» и «Hitler-caput!», пополнился несколькими новыми выражениями...

Уж не знаю, в кого я такой уродился (отец, с утра непобрившись, к вечеру зарастает до глаз, как чеченец), но у меня щетина растет лишь над верхней губой и на подбородке, оставляя щеки совершенно голыми («козлячья борода» как

иногда издевается Вовка). В любом случае, сейчас у меня на левой щеке отпечаталась толстая смазанная полоса. Такая же полоска был на левой ладони...

Ч-черт!!! Там же был Анин телефон, я его переписать не успел!

Еще полчаса я потратил на то, чтобы оттереть чернила с лица. Пемзой. А это больно, однако... Пару раз в ванную заглядывал Ромка и ехидно советовал воспользоваться щеточкой для ног... Оба раза я посылал его подальше.

И ладно бы, полоска была тонкой. Это можно было бы пережить – я сотни раз нечаянно разрисовывал себя ручкой во время уроков. А так...

Наконец, я оттер эту чертову ручку. Щека горела как пожар и болела-а-а... Дотронуться до нее было не возможно. Скотство!!!

– Так что ты хотел, – приготовить спросил я у Ромки.

– Давай отбивные пожарим?

Почему бы и нет?

К приходу родителей все было вымыто, вычищено и приготовлено. И я даже смог подобрать более ли менее подходящую наволочку для своей подушки. Конечно, девять десятых этой самой наволочки заполнено не было, а в середине выпирал страшный горб, ну да фиг с ним. Кроме того, моя щека приняла более ли менее нормальный вид...

В кроватку я пошел в десять часов вечера. Родители от-

правились спать тоже примерно в это время. Только Ромка застрял у телевизора (Сколько можно?! Сидит у этого ящика, как приклеенный. Если так дальше пойдет, то его скоро дикторы узнавать будут.)

В общем, я отключил на сотовом телефоне звук, оставив вибрацию (у моих однокурсников есть вредная манера звонить в час ночи и интересоваться, с какого числа у нас начинаются занятия и точно ли я не хочу присоединиться к их пьянке), разделся, принял душ и лег спать. К счастью, родители не обратили внимания на странный вид моей подушки.

Ровно в двенадцать ноль-ноль (как по сигналу точного времени сверяли) сотовый застучал-задребезжал, подскакивая на столе. Я подскочил на диване. Все! С завтрашнего дня отключаю на ночь сотовый. А еще лучше – отключаю его вообще.

– Алло? – прошептал я в трубку.

Не хватало еще Ромку с родителями разбудить.

– Алло, Андрей? Привет.

Вовка? Ему-то что надо?

– Андрюх, можно я у тебя переночую?

Я поперхнулся. Переночевать? С какой это радости?!

– Вов, ты где сейчас? Тебе же до меня ехать и ехать...

– Я во дворе, перед твоим домом... Чего-чего? Sacre dieu¹?

Надо запомнить...

– Сейчас выйду.

---

¹ Здесь: чёрт возьми; проклятье (фр).

Я наспех оделся, натянув джинсы и какую-то рубашку, сунул трубку в карман и осторожно «выполз» в прихожую. Так... Один шлепанец – вот, а второй...

В этот момент приоткрылась дверь в зал, где в последнее время и спит Ромка:

– Андрей, ты куда?

О, Господи, разбудил-таки!

– Ром, иди спать!

– Я фильм смотрю. А ты куда?

Не скажешь, так он такой буй-гай поднимет... Родителей разбудит...

– Вовка звонил. Он сейчас перед домом, на улице. Я выясню, чего он хочет и приду.

– А-а-а, – понимающе протянул Рома. – Ты только побыстрее там. А то мало ли что...

– Хорошо, – улыбнулся я, забирая с тумбочки ключи с брелком в виде небольшого, с пол-ладони, плюшевого мишки. – Закрывай дверь, я сам открою.

– Ага, – он едва слышно щелкнул замком, замыкая дверь.

Не, на лифте я сейчас не поеду, лучше пешочком спущусь... А то решат коммунальщики поступить по заветам дедушки Толи (это который Чубайс), электричество экономить, и буду я до утра в лифте куковать.

Вовка сидел на деревянной лавке неподалеку от детской песочницы и курил сигарету, уныло пуская колечки дыма.

Ну, по крайней мере, он переоделся. Сейчас на Вовке была выглаженная белоснежная рубашка и рваные джинсы. Больше несочетаемости и придумать был нельзя...

Я подошел к нему:

– Привет.

– Привет... Мышка – норушка, а, мышка – норушка, пустишь меня в теремок к себе переночевать?

– Между прочим, – заявил я, – если ты не заметил, я – мужского пола!

– Серьезно? Никогда бы не догадался! – делано удивился Вовка. – Тогда будешь старым седым крысом! Ну, так пустишь ты меня или нет?

А утром меня родители вместе с ним к чертям собачьим выгонят:

– А что случилось? С матерью поссорился?

– Да нет, – вздохнул Вовка. – С дядей Витей.

– У-у-у, – протянул я. – Тяжелый случай...

Тяжелый вздох.

– Ага...

Дядя Витя появился в Вовкиной и Аськиной жизни около пяти лет назад. Сперва провожал тетю Лиду до дома. Потом начал захаживать по выходным... А потом и вовсе переехал к ним.

Своих детей у дяди Вити не было, а потому он решил, что имеет право воспитывать чужих... Хотя нет, вру. Асю дядя Витя не доставал, а вот Вовке, с его манерой каждые два-три

дня менять стиль и представлять то в образе расхлябанного хиппи, то в строгом костюме, пришлось потуже. Едва вышеупомянутый дядя переехал в дом к тете Лиде, так сразу и заявил, что он сделает (цитирую) «из этого оболтуса – человека»... Вот Вовану и доставалось по полной программе.

– Так ты, что, – поинтересовался я, – с утра по городу шастаешь?

– Да нет, – вздохнул он. – Я утром как домой приехал, этого хмыря не было, уже на работу ушел. Мама еще дома была, ну... И устроила мне головомойку по полной программе... Я промолчал... В конце концов, она права, я мог хотя бы сотовый взять, когда к тебе шел... Ну, в общем, когда она ушла, я с сестрой пообщался, по дому ей помог... В шесть пришла мама. Все нормально, спокойно... Она ж уже выговорила... А в семь – он приперся... Ну и начал на меня орать как потерпевший! Мол, ты такой – сякой, мать до инфаркта доводишь!.. Я понимаю, что он правильно говорит, но, с другой стороны, он мне – никто, и не имеет права разговаривать со мной в таком тоне! В общем, я его послал далеко и надолго, хлопнул дверью и ушел... Ну, так что, пустишь к себе, чи как?

Я вздохнул. И что с ним теперь прикажете делать?

– Вов, какой у Аси сотовый?

– Зачем тебе?!

– Надо!!!

Смурный Вовка продиктовал одну за другой цифры, я на-

брал номер (ой, а он же у меня в телефоне записан...) и нажал клавишу посылки вызова.

Ася, словно ждала, взяла трубку после первого же гудка:

– Да?!

– Ась, привет, это Андрей...

– Я узнала, чего ты хочешь?!

– Ась, Вовка сейчас рядом со мной. Я дам ему трубку, а ты попытайся убедить, что не будешь бить его ногами и ему можно вернуться домой, хорошо?

Мембрану телефона чуть не выбило звуковой волной:

– Я?! Не буду его бить?! Конечно, я не буду!!! Я просто придушу его голыми руками!!! Этот гад несколько дней неизвестно где шляется, ночью опять куда-то свалил!!! Мама третьи сутки одной валерьянкой питается! Я его...

– Ась, он просто перенервничал, вот и все...

– Не буду я с ним разговаривать! – буркнула девушка, успокаиваясь. – Лучше передай ему, пусть домой едет, тогда, может быть, до завтрашнего дня доживет.

– Хорошо, – хмыкнул я, выключая трубку.

Когда я пересказал Вовке диалог, тот пару минут бурчал, что никуда не пойдет, а лучше поспит здесь, на лавочке, но, едва я дословно сообщил обо всех Аськиных угрозах, как Вован резко передумал и заявил, что он всегда был сторонником ночевки дома. Он вскочил с лавки и быстрыми темпами направился прочь со двора. Я едва успел его догнать и схватить за плечо.

– Эй, ты чего? – удивленно спросил Вовка.

– Я тебя провожу.

– Зачем?! Мне не два года, я сам спокойно дойду до автобуса!

Я улыбнулся:

– Я пообещал Асе, что отправлю тебя домой. Так что, я провожу тебя до остановки, а дальше уже отправишься сам, – Вовка мрачнел прямо на глазах (так... Начинается стадия под кодовым названием «ты мне не доверяешь?! Считаешь, что я убегу?!»), поэтому я поспешно добавил: – А заодно я воздухом свежим подышу...

Вован недоверчиво хмыкнул, но вслух сказал только:

– Ну... Тогда пошли, что ли?

Я почти довел Вову до автобуса, когда откуда-то из-за мусорных баков вышли, перегородив нам дорогу, пятеро амбаливидных, бодрых и, судя по острому ацетоновому запаху, нетрезвых личностей. Хотя нет, вру. Нетрезвыми была лишь пара бомжевидных, оборванных хмырей, стоящих на переднем фоне. Судя по всему, у мужичков этих через пару минут точно наступит «асфальтовая болезнь». А у них она могла наступить от удара по затылку... Слишком уж их шатало.

А вот та троица, что торчала на заднем плане, скорей всего была трезвой, потому как стояла совершенно ровно и не качалась...

Молчание затягивалось. Наконец я не выдержал:

– Может, вы нас пропустите?

Нетрезвых личностей алкоголь повел в разные стороны, а их более трезвые соратники вышагнули вперед. Внезапно, я понял, что опять ошибся. «Шкафами» из этой троицы (да и из всей пятерки тоже) были не все. Только двое. Один же из этой компании был настолько субтильным, что, казалось, его плевком перешибить можно было.

Так вот. Вся эта пятерка стояла чем-то вроде неоконченного полукруга (кажется, в геометрии это называется сегментом), в центре которого стояли мы с Вовкой, и угрюмо молчала, больше никак не реагируя на мой вопрос. Вот я и не выдержал и шагнул вперед. Как оказалось, зря.

Тот доходяга, что стоял прямо перед нами (амбалы стояли справа и слева от него, бомжи – соответственно) и по змеиному зашипел, обнажив острые вампирячьи клыки... Я, то ли от испуга, то ли от удивления(ну не разобрался я на тот момент в своих чувствах, не разобрался!) отшатнулся...

О господи! Те, в Ботаническом саду, по крайней мере, по человечески разговаривали, а этот шипит, как проколотое колесо... Надеюсь, это не заразно? А то окажется потом... Первая стадия – острые зубы, вторая – шизофрения по типу «ой, какая милая змейка, давай пообщаемся...». Еще лучше, если у него вообще бешенство... Хотя, еще не известно, что хуже.

Все произошло быстро. Слишком уж быстро... Корот-

кий разговор с Хельгой... Она посоветовала согласиться на предложение Дракулы, пойти на эту, как сообщил один из посланников, «стрелку».

Полупустое кафе. Чуть слышно играет музыка. Мягкий полумрак. Красное вино.

– Выпьем за наш союз! – бокал приподнят на уровень глаз.

– Выпьем, – согласился он.

Потом сзади послышался шелест тяжелого шелка... Повернуться он не успел. Лишь холодные губы на мгновение прильнули к шее...

Потом не было ничего. Только голос Госпожи. Приказ, который невозможно не выполнить. И шипение – свист, срывающееся с губ, вместо речи...

Полукруг начал медленно сжиматься, приближаясь к нам. Ой, как мне все это не нравится...

И вдруг бомжики одновременно и дружно дернулись, и упали лицом вниз. Оба. Амбалы недоумевающее заоглядывались и... через пару секунд рухнули вслед за оборванцами.

Доходяга же, похоже, о чем-то догадался, прикрыл рот, начал медленно поворачиваться... В следующий миг прямо ему в сердце вошел кинжал с червленой, еле заметной в темноте, рукоятью...

Все это закончилось раньше, чем мое сердце успело сделать три удара...

Дракула номер два вынырнул из мрака подобно легкой полуночной тени и, присев на корточки, выдернул из трупа короткий кинжал – бордолис, брезгливо вытерев его об одежду доходяги. Сам клинок он спрятал в сапог. После этого дубль-Дракула повторил эту же операцию с двумя кинжалами, застрявшими в амбалах, причем один он просто повесил на пояс, а второй как-то прикрепил туда же, так что он стал практически не заметен, превратившись в какое-то подобие пряжки. Валлет, пришло на ум вычитанное в каком-то историческом романе название этого странного ножа. Что же касается кинжалов, торчащих в бомжах, то один из них, он спрятал в рукав, а второй оставил в руке. И лишь потом господин Валашский (знатная у него все-таки фамилия) встал и обратил свой «светлый» взор на нас с Вованом.

– Н-ну? И что дальше? – мрачно поинтересовался он, хлопывая по ладони обнаженным клинком.

– Спасибо? – неуверенно предположил я.

– Какого черта?! – рявкнул Дракула. – Какого черта вы шляетесь по городу по ночам?!

– А в чем дело? – недоумевающее захлопал глазками Вовка. – Мы ведь уже вроде как совершеннолетние... Или в вашей Валахии совершеннолетие наступает после пятиста?

– После пятиста наступает не совершеннолетие, а жуткое похмелье, – тихо пробормотал я.

Естественно, меня опять никто не услышал.

А вот Вовку Дракула расслышал хорошо. Влад Цепеш рванулся вперед (при этом под тяжелым подкованным сапогом хрустнули чьи-то кости, но он, естественно, не обратил на это никакого внимания), схватил Вована за ворот рубашки и, притянув его лицо к своему, прошипел:

– Послушай меня, ты, «совершеннолетний». Еще одно высказывание в подобном тоне, и ты не доживешь до завтрашнего утра... Ясно?!

Он слегка оттолкнул от себя Вовку и тот, от удивления, споткнулся и сел на землю. Все произошло настолько быстро, что я не успел никак отреагировать, а просто замер, удивленно уставившись на них обоих.

– Ясно-ясно, – буркнул Вовка, вставая на ноги и потирая ушибленную часть тела. – Чего уж тут не ясного... Бедный ж мой копчик...

– То-то же, – процедил Дракула.

Потом окинул меня взглядом и подошел к трупку доходяги. Поддел его сапогом и, полуповернувшись к нам, спросил:

– Он что-нибудь вам говорил?

– Не-а, – переглянулись мы с Вовкой. – Шипел просто...

– Шипел?!

– Ага...

Влад Цепеш присел на корточки перед телом и, осторожно, я бы даже сказал, брезгливо, расстегнул ворот его рубашки. Показалась тонкая, якорного плетения, желтоватая цепочка, на которой висела круглая пластинка. Судя по всему,

тоже из золота.

Дракула провел кончиками пальцев по пластинке, подхватил ее, а потом, резко рванув, порвал цепь. Несколько секунд он задумчиво смотрел на буквы, выбитые на медальоне (к сожалению, я не смог их рассмотреть, расстояние было слишком большое) и тут я понял, что у меня начались галлюцинации. Слуховые. Хотя Цепеш не открывал рта, я услышал его голос. Не такой грубый, как он обычно разговаривал со мною и Вовкой, а какой-то сухой...

– Куда завели тебя твои дороги, и кто выпил твою кровь, Роллан из рода Кларис? В последний раз, как мы виделись, тебе было всего лишь двести лет...

Тут его что-то вдруг климкнуло, он резко дернул головой и слуховой галлюник пропал... Слушайте, а может, это и была телепатия? Типа... Я читал его мысли... Дракула поднял на нас с Вовкой глаза:

– Чего уставились?! Лучше подойдите сюда.

Мы с Вовкой, переглянувшись, выполнили его... гм... вежливую просьбу.

– Как выглядел тот, в чьем доме вас держали?

– Ну..., – начал я. – Молодой. Может, чуть-чуть старше нас...

– Дальше? – нетерпеливо оборвал меня Дракула, проводя пальцами правой руки по лицу доходяги.

На этот раз речь продолжил Вовка:

– Высокий лоб, серые стальные глаза, нос с небольшой

горбинкой...

Он продолжал говорить, а я бросил короткий взгляд вниз и почувствовал, как сердце застряло где-то в горле. Черты лица «Роллана из рода Кларис» словно бы плавились от прикосновений Дракулы. Они искажались, текли и менялись. Острый нос Роллана принял другую форму, полные губы истончились, становясь все более похожими на губы того, кто первым назвался Дракулой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.